

МАГИЗМ СОВЕТСКОМУ

МАГИЯ СОЦИАЛИЗМА

Бачило Венгловский Верещин Гатаунов Грофов Дашков Капустинская Кошкин Лукин
Мари Марченко Немытов Рыженкова Сереброва Скоренко Топих Шатохина Ясинская

Александр Бачило

**Магиум советикум. Магия
социализма (сборник)**

«Снежный Ком»

2016

Бачило А. Г.

Магиум советикум. Магия социализма (сборник) / А. Г. Бачило —
«Снежный Ком», 2016

Что было бы, если бы Советский Союз возник и развивался в фэнтезийном мире, мы уже видели. А если наоборот? Социалистическая магия вместе с индустриализацией, оттепелью, суровой поступью рабочего класса и прочими прелестями полузабытой Утопии – СССР на вершине могущества, достигнутого не только танковыми армиями и РВСН, но и магической силой? Интересно? Авторы сборника попробовали представить, что именно может стать началом расцвета и что – получиться на выходе, под занавес советской эпохи: нечто вроде «Хранителей» с советским вариантом Доктора Манхэттена или все-таки всемирный НИИ Стругацких как вариант. А чтобы не ограничивать творчество, составители решили заранее проработать концепт, поместив еще не написанные рассказы в два взаимоисключающих раздела: Светлая сторона соцреализма и Темная. Разумеется, они враждуют, но не в рамках одного текста, а в границах общей идеи. Каждый из участников показал победу той или иной Силы в максимально реалистичной и правдоподобной манере. Какая стратегия оказалась выигрышнее – позитивная и светлая или мрачная, оккультная, темная? Кто победил? Решать вам, читатель.

Содержание

Светлая магия социализма	5
Алекс Громов, Ольга Шатохина	5
1. Один день Ивана Черномазова	5
2. Количество демонов на душу населения	6
3. Кипит наш цирк возмущенный	7
3. В пылу смертельной схватки	9
4. На переднем крае и в магическом тылу	10
5. Кто к нам с чародейством придет...	12
6. Наперекор империалистической романтике	13
7. На земле, в небесах и из-за соображений конспирации – на море	15
8. В рукавицах нашей законности	16
8. Настоящему наркомун – даже демон по плечу	18
8. Нарком Прошлого и Грядущего	19
Михаил Кликин	21
Марина Ясинская	29
Юлия Рыженкова	45
Конец ознакомительного фрагмента.	55

**Валерия Калужская, Алекс Громов, Ефим
Гамаюнов, Ольга Шатохина, Михаил
Кликин, Николай Немытов, Андрей
Дашков, Тим Скоренко, Игорь
Вереснев, Александр Бачило, Мико
Мари, Дмитрий Лукин, Владимир
Венгловский, Ирина Сереброва, Юлия
Рыженкова, Андрей Марченко, Татьяна
Томах, Марина Ясинская
Магиум советикум. Магия
социализма (сборник)**

Светлая магия социализма

**Алекс Громов, Ольга Шатохина
Штык, катана, котел (Цивилизация наркомов)**

1. Один день Ивана Черномазова

Завтра снова разводить руками тучи, метать молнии, выводить из берегов реки, генерировать смерчи и обрушивать их на врагов. Мог он, Иван Черномазов, сын простого тамбовского крестьянина, еще недавно даже мечтать о том, что будет регулярно творить чудеса, подобные тем, что в легендах совершали древние боги?..

Ровно в пять утра, точно по расписанию, в казарме прозвучала команда «Подъем!». Умывшись, одевшись по форме и позавтракав, Иван в общем строю направился было к боевому рубежу, чтобы как обычно отслеживать обстановку и оказывать необходимую магическую поддержку, но был остановлен приказом командира. Сегодня боевому магу 3-го разряда Ивану Черномазову поручалось единолично провести разведку боем и разогнать японских демонов войны, которые прикрывали действия своих империалистов на стратегически важной сопке.

Для этого требовалось особое снаряжение. Черномазов бегом бросился за ним в казарму. Сложив в спецранец нехитрые и хитрые военные пожитки, Иван с благодарностью взглянул на висевший над его койкой портрет Юрского – первого боевого красного мага. В Уставе Красноармейского Чародея была целая глава, состоящая из афоризмов Юрского: «Пуля – дура, оборотень – молодец!», «настоящий чародей в схватке...(победит) нетрудовых людей!», «На враждебные штыки надень ихние злодейские чулки!»

Тут же на стене красовался большой плакат, изображающий поединок красного мага с буржуазным. Краснощекий советский маг, одетый в хромовые онучи, штаны-галифе, гимнастерку с кубиками и магическую буденовку, одной рукой стискивал революционный магический молот, служащий для разбивания цепей пролетариата иковки прогрессивных артефактов. На другой руке чудо-богатыря красовалась ежовая рукавица с антибуржуазным покрытием.

Буржуазный маг же представлял собой некое чужеродное существо, напоминающее сотрудника американского спецназа Чужого, но одетого в манишку с блестками, потрескавшийся от натуги смокинг и продавленный цилиндр, теперь подозрительно похожий на каску – но со слегка торчащими рогами. На ногах враждебного воина-поединщика были фирменные западные кроссовки, которые плавно переходили в колготки, завершающиеся боевыми трусами-стрингами с логотипами великих магических лож спереди, и масонских – сзади (точнее, на могучем заду). В руках-лапах у заграничного Чуда-Юда был остро заточенный большой циркуль с ехидным масонским знаком.

Теперь, в очередной раз вдохновившись, Ивану предстояло самому доказать, что не напрасно он на народных харчах осваивал магическую науку. И доказать в нелегкой обстановке – в боях среди диких условно тунгусских степей, где гнус летает густыми тучами, заслоняя солнце, а всего прочего (даже сбежавших с корабля инопланетян) остро не хватает. До ближайшей железной дорожной станции – почти 700 километров (по-простому говоря – верст не меряно!) по скверной, разбитой боевыми и не боевыми действиями дороге. Везти оттуда приходится все, и боеприпасы, и снаряжение, и продовольствие, даже дрова для полевых кухонь. Иногда приходилось даже выделять толику драгоценной магической энергии для поддержания огня, на котором опытные армейские кашевары готовили пищу для героических воинов – с добавлением патриотических травяных настоев, регулярно укрепляющих дух и тело.

Иван знал, что в отечественных научно-исследовательских институтах лучших умы денно и ночно трудятся над созданием новейших магических артефактов, удобных в транспортировке, емких и эффективных, без баловства и капризов. Но сейчас он и его боевые товарищи, находившиеся далеко от сердца отчизны, могли рассчитывать только на собственные силы.

Но пример товарища Юрского, которому довелось сражаться с противниками молодой Советской власти в местах, столь же диких и неприветливых (и с некультурными злыднями – маньяками наживы), помогал мобилизовать все внутренние ресурсы и исполниться необходимой убежденности в скорой большой победе. Как пелось в известной песне – «Превращений – так мгновенных, под Октябрьской звездой».

2. Количество демонов на душу населения

Еще раньше японские войска захватили Маньчжурию и, как было объявлено всему миру, на штыках утвердили там государство Маньчжоу-гого. Конечно, понимающие, в чем дело, сразу осознали – плацдарм готовится для дальнейших боевых действий против Китая, Средней (также называемой в ряде источников – Усредненной) Монголии и СССР с дальнейшим расчетом на колонизацию одной трети мира. Хотя секретная магическая служба СССР донесла не только о передвижениях войск, но и о небывалой концентрации японских духов и даже демонов войны на этой территории. Не иначе, захватчики принаровились их специально выводить и размножать, тренировать и готовить к разбойному труду и грабительской обороне. Так, по крайней мере, выступали в курилке Лиги Наций. Она не была идеалом приличного учреждения – половина офисного персонала была демонами, использовавшими вместо дорогой косметики и эпиляций стереотипные личины, не нуждающиеся даже в банальной аппаратной чистке лица.

Демон – это человеко/сущность, которая работает на чужой территории без настоящего паспорта (чаще всего – дипломатического) и армейского (силового) прикрытия.

Поэтому пойманные демоны – не подлежащие обмену – подлежат суду по законам того государства, в котором арестованы.

При этом демоны могут быть официально осуждены не за то, что они являются чужими демонами, но за совершенными ими – или потенциально могущие быть совершенными – преступления и правонарушения.

Демоны, работающие по договору на другие страны, отвечают лично, без перевода магических и юридических стрелок на заказчиков.

Вначале японские демоны занялись поиском стратегических полезных ископаемых и выращиванием необычайной красоты цветов на нейтральной полосе. После возведения массивных теплиц и грядок с парниками началось строительства крытого рынка, что неминуемо должно было привести к конфликту интересов над ресурсами и денежными потоками. Сперва пропала партия продовольствия. А затем начались постоянные нападения японских криминальных демонов на братских монгольских пограничников. Официальные японские власти с помощью дипломатических нот и прочих буржуйских выходов нагло требовали передвинуть границу на два десятка километров вглубь исконной монгольской территории, аргументируя это необходимостью снабжения местного маньчжоу-гогойского населения свежими продуктами питания с того самого нового рынка. Кроме того, японские ученые провели научно-практическую конференцию «Долги монгольского ига и их наследников перед Японией и Маньчжоу-гого». Итоговая сумма получилась внушительной, хотя и завышенной.

Японские буржуи и буржуйки уже радостно потирали ладони, предчувствуя аппетитный запах шашлыков на пикниках среди монгольских степей, новенькие, зазывающие усталых путников суши-харчевни возле дорог и троп, строительство первой ветки улан-баторского метро и под этим предлогом – прорытие тайного тоннеля в Москву. А там...

Но красные маги не дремали, красные дипломаты не зря ели красную (и черную, но не белую!) икру, а красноармейцы и командиры, возвратившись с очагов отдыха, были по расписанию готовы к подвигам.

Коварная азиатская империалистическая акула напрасно раззявила свою пасть – к этому времени между СССР и Монголией был подписан «Протокол о взаимопомощи», и уже в следующем году на территории Монголии были размещены части Красной Армии, а также специальный контингент магических военных советников.

Против иностранных буржуев и их вооруженных пособников поднялся трудовой народ – после завершения политинформации и сдачи норм магического ГТО местные шаманы получали в штабе революционной армии официальный статус партизан. Затем им по разнарядке были выданы три боевых флейты Гамеля-Трясунова, способные сманивать гусеницы с японских танков. Кроме того, шаманы были снаряжены спецсетями для ловли вражеских подземных подводных лодок, шаставших под пустыней.

3. Кипит наш цирик возмущенный

– Мы как один умрем в борьбе за это!

– Не только умрем, но и победим, товарищи цирики! Одолеем подлого врага, который пришел на вашу-нашу землю!

И строй вооруженных людей, стоящий перед зданием правления Средней Монголии, ответил оратору – красноармейскому инструктору Павлу Иванову восторженным ревом. Через пару часов, после торжественного обеда, будущим героям-цирикам предстояло отправиться в поход на злодеев.

Недаром бойцы Монгольской народной армии назывались цириками – с давних времен лучшие из здешних батыров сдерживали разгул демонов, а потому эти криминальные сущности прозвали их цириками – надзирателями. Ходили также слухи, что в секретных японских лабораториях разрабатываются игры, способные увлечь и отвлечь многих и многих людей от реальных свершений и борьбы за дело пролетариата, и в этих играх создается клеветнический образ цирика, как злобной сверхъестественной сущности, что и вызывало у цириков разума возмущение и бурление оскорбленных чувств.

Тяжелее всего приходилось красноармейцам и цирикам в промежутках между боевыми столкновениями, поскольку противник, лишенный революционной сознательности постоянно пускался на различные подлости и пакости, чаще всего маскируя свои действия под стихии, природные явления и обычные людские ляпы.

Так, при помощи одного из демонов местной непогоды у красноармейца Пихтянко Л.П. был внезапным порывом ветра выдут из почему-то не застегнутого кармана гимнастерки воинский билет. После этого в течение трех ночей упомянутый демон, прикинувшись ненаглядной женой Пихтянко, мешал тому осуществлять караульную службу – охранять склад с чародейскими горюче-смазочными материалами. Когда демон был задержан боевым нарядом красных магов, то оказалось что он мужского рода, и тем самым красноармеец Пихтянко в случае незаконного удовлетворения своего личного желания подлежал бы соответствующей уголовной ответственности.

В то же самое время демоница – жена упомянутого демона, прикидываясь то пожилым интендантом, то чиновником из райпотребсоюза, пыталась спаивать красных командиров в вагонах-ресторанах, столовых, домах отдыха, прачечных, залах ожидания, туалетах, железнодорожных переездах, на торжественных заседаниях, собраниях и митингах, и просто в чистом поле.

Задачей демонов также было наводить разнообразные идеологически вредные мороки и снижать боеспособность красных командиров, вплоть до самого высокого ранга. Порой чародейские вылазки врага оказывались чрезвычайно опасными. Так, поддавшись объединенному влиянию нескольких демонов, перешел границу и бежал к японцам комиссар государственной безопасности 3-го ранга Люшков, имевший доступ и оперативной магической документации. Потом боевая группа японских солдат при поддержке демонов войны, прикинувшись призраками давно закончившейся русско-японской войны, выступила против советской погранзащиты, используя тактический полтергейст и местные силовые ветки мироздания, а также ушлую блуждающую хроноворонку с птеродактилями.

Среди вышедших на бой с Красной армией было немало злодеев. Так, по вообще-то до конца непроверенным советским разведанным («100 великих разведанных»), среди японских унтер-офицеров преобладали генно-модифицированные людоеды, которые были адаптированы к ратному труду, обороне, нападению и поеданию морально нестойкого противника. Поэтому красные маги регулярно проводили среди бойцов политинформации.

Поскольку ни советская держава, ни японская империя не подписали в свое время Женевскую конвенцию о магических превращениях попавших в плен военнослужащих, то нередко были случаи использования азиатами пленных красноармейцев и цириков в качестве тотемных столбов линий чаро-обороны и зомби-пулеметчиков в обороняемых дзотах.

Поэтому в состав штурмовых отрядов по захвату японских укрепрайонов входили и военспецы – оперативные сниматели враждебных заклинаний. На только что освобожденных территориях вместе с сотрудниками магической разведки бывших пленных осматривали и врачачаронаркологи, снимавшие наведенную магическую зависимость и извлекавшие чужеродные аватары из красноармейского сознания.

Одной из любимых козней вражеских демонов было не только превращение в молоденьких смазливых девушек/эротических бой-баб и последующее знакомство с красноармейцами

и красными командирами, но «близкое фотографирование» с ними, дальнейший магический монтаж полученных фотографий и их экстренная отправка женам и невестам воинов. Затем начинались скандалы, подрывающие боевой и трудовой дух, изредка возникал и «синдром Офелии», ухудшающий советскую статистику.

Кроме боевых задач, красные военные маги, выполняя поручение партии и правительства отчизны, в полевой лаборатории проводили изучение буржуазной генетики японских демонов и возможности их последующей селекции в пролетарские культуры.

3. В пылу смертельной схватки

Иван Черномазов лежал в укрытии на берегу реки, которую японские империалисты так стремились сделать пограничной. А вернее – захватить оба берега, чтобы неустанно грозить честным трудовым людям, насылая на них кошмарные сны и злокозненные демонические сущности. Многие из которых, как известно, даже после специальной подготовки испытывают серьезные трудности с пересечением водных преград, особенно рек, впадающих в державу рабочих и крестьян, защищенных от империалистических наездов силовым полем магических классово откалиброванных генераторов.

Заслонившись специальным маскировочным мороком, Иван напряженно вглядывался туда, где находились позиции врагов. Они всю старались, но испортить той тревожной весной праздник 1 мая советским людям и братским монгольским трудящимся так и не сумели. Но уже 8 мая взвод японских демонов-диверсантов попытался занять островок посередине реки, однако монгольские пограничники заметили противника и отогнали его патриотическим превращательным огнем.

Однако 11 мая отряд в три сотни человек при поддержке восьми демонов и четырех магов, укомплектованный чарогранатометами и несколькими обычными пулеметами внедрился на пятнадцать километров в глубину монгольской территории и напал на погранзаставу на высоте Номон-Хан-Бурд-Обо. В ходе боев нападавшие были отогнаны, но перед этим успели сделать фотоснимки, ставшие после соответствующей обработки провокационными – так хозяйственный блок заставы был отретуширован в виде публичного дома вульгарных монголо-советских демонов и растиражирован в империалистической печати, вызвав массовое глумление капиталистических псевдогуманитарных организаций, в том числе – занимающихся перевоспитанием и трудоустройством демонов-наемников и демонов-насильников.

Между тем боевые действия продолжались – еще через три дня после нападения на заставу разведотряд японской пехотной дивизии при поддержке авиации и целой тучи нетрезвых демонов атаковал 7-ю пограничную заставу, захватив высоту Дунгур-Обо, куда началась переброска пехоты на грузовиках и бронемашинах. Одновременно началось развертывание полосы самурайской чародейской обороны «Пылающее зеркало», которая по многовековым легендам, абсолютно не могла быть преодолена неприятелем.

Но 17 мая три мотострелковых роты, сапёрная рота и артиллерийская батарея Красной армии при поддержке монгольского бронедивизиона и особого маг-отделения, в составе которого был и только что прибывший в район боевых действий Черномазов, отбросили противника обратно за реку. Остатки разорванного в клочья «Пылающего зеркала» были отправлены в Москву в Наркомат Магии для изучения.

И вот сейчас над рекой царило томительное предгрозовое затишье. Иван настроил магические устройства слежения на максимальную чувствительность, однако обнаружил лишь то, что противоположный берег степной реки полностью укрыт мощной завесой империалистического чародейства, сквозь которую не просачивается ни звука. При попытке пробить завесу направленным лучом слежения пробуждался хаотический поток сомнительной информации – доносились многоголосые оскорбительные выкрики и угрозы, пьяные вопли и этнический

шансон недревних цивилизаций. Развратные женские голоса наперебой обещали советскому человеку всевозможные непотребства, отвлекающие от борьбы за освобождение пролетариата всей Земли и окрестных галактик. Визгливые звуки джаз-бандов пробуждали потребность немедленно предаться странным вихлястым танцам, а расслабляющее пение аристократических флейт и скрипок – забыть о высокой цели и погрузиться в ленивое созерцание, недостойное борца за счастье трудового народа.

– Эй, ты там, с трехлинейкой! Хочешь быть богатым и красивым? Смотри, Птица Феникс летит. Пуляй скорее!

– Командирчик, да какой славный и пригожий! А я вот монгольская принцесса, спала в одиночестве много веков. Пока твой жаркий взгляд меня не пробудил. Пойдем, возлюбленный в пещеру, на пуховое ложе, окаймленное сокровищами. Отдай мне свой пистолет. Ведь со мной он тебе не нужен, милый.

Японские маговояки всю использовали магические глушители искренних человеческих побуждений (поэтому порой у красных бойцов отсутствовала взаимовыручка) и по вечерам вывешивали подкорректированную карту звездного неба – с измененной (т. е. оскорбительной для неприятеля) конфигурацией нежелательных (для них – японцев) созвездий.

Кроме того, стрелка компаса в этой зоне боевых действий всегда показывала строго на Токио. А в ясную погоду среди немногочисленных облаков виднелась (невооруженным глазом) вершина горы Фудзиямы, которая отсюда не должна была быть видна даже и в мощный бинокль.

Недавно на позиции красноармейцев залетела дезинформационная бомба, начиненная обещаниями каждому сдавшемуся выделить квартиру как раз на склоне Фудзиямы. Ивану удалось нейтрализовать вредное воздействие своевременной отсылкой контраргумента: «Да если бы это было правдой, вашей Фудзиямы из-за скопища бараков для размещения беглецов уже и не было бы видно!»

Сейчас, оценив ситуацию, Иван доложил командованию о неизбежности нового – и весьма скорого – наступления японцев. И потом приступил к выводу в режим готовности номер один всех имевшихся в его распоряжении средств противодемонической обороны. «Эх, мало-вато магобоеприпасов! Но хорошо хоть что-то успели доставить на передний край. Ну, где наша не пропадала!»

4. На переднем крае и в магическом тылу

Вскоре с мест боевых действий поступили новые тревожные сообщения – начался массированный обстрел наших позиций невидимыми агитационными снарядами, от воздействия которых в красноармейских головах начинали звучать голоса, зачитывавшие враждебные тексты, пропагандирующие радости роскошной жизни, нелимитированного секса и иноземного обжорства невиданными и не нюханymi деликатесами.

Разгром коварного врага осложнялся тем, что помимо японской регулярной армии в схватках принимали участие и анимешные демоны-добровольцы, воплощенные в различные тела и устройства, и снабженные запасом энергии. Тактико-технические характеристики этих демонов позволяли в течении трех-четырех суток действовать без магической подзарядки. Просочившись в красноармейский тыл, демоны занимались вредительством и, превращаясь в молоденьких слегка одетых девушек, отвлекали солдат (и преимущественно – красных командиров) от выполнения воинского долга. Случались даже отлучки караульных с постов и задержки приездов представителей штаба в части. По каждому из этих случаев было начато служебное расследование.

Так замкомроты Пафнутий Берендеев, будучи отправленный командиром в расположенную рядом часть для установления четкого боевого взаимодействия, исчез на 18 часов. Он

был обнаружен в ходе развернувшихся поисков красными следопытами. Берендеев был одет в одну лишь гимнастерку, возбужден и сексуально изможден, причем отчасти потерял дар речи – поскольку мог общаться только на неслужебные темы. Будучи доставленным в часть, травмированный замкомроты, улучив момент – когда его оставили одного, принялся грызть гусеницы у танка. Вызванный красный маг-следователь определил у Берендеева потерю пролетарской души и красноармейского боевого стрелка. Было решено начать спецоперацию по освобождению души и разума воина из вражеского плена и захвату чароноводящего противника.

Для этого был сделан вид, что в суматохе боев нестандартное поведение Берендеева списали на случившуюся с ним контузию. На следующий день замкомроты был отправлен в штаб армии для получения особо важного секретного пакета с инструкциями для предстоящего наступления. Данное решение было объяснено Берендееву (поскольку предполагалось, что он находится под контролем японских военных магов и поэтому для них все должно выглядеть правдоподобно) тем, что красный командир, отвечавший в штабе дивизии за доставку секретной информации, заболел и был отправлен в госпиталь, а ранее прошедший проверку Берендеев назначен на его место.

Прибывший из Москвы инкогнито (по документам обычного армейского снабженца) специалист магического спецназа РККА установил за Берендеевым дистанционную чародейскую слежку, используя для этого волшебную сеть ВК 676-бис. Спецоперация была с блеском завершена, Берендеев, излеченный от чужой чарозависимости, без поражения в правах вернулся к исполнению служебных обязанностей в полном объеме.

Иван же, изучив собранные им и доставленные красноармейцами образцы империалистических эманаций, отправился готовить противоядие. Для этой цели ему был нужен большой, украшенный соответствующим гербом котел, в котором красные маги во время затишья варили материалы для политинформаций. Около него днем и ночью стоял на посту красноармеец и бдительно спрашивал:

– Стой, кто идет? Давай пароль, а то стрельну!

Котел был прислан в эти сопки специально из города пяти с половиной морей. И вечерами из него разносился запах вкусного варева, а в облаках пара, струившихся из-под крышки, угадывались корчившиеся в недовольстве и смятении враждебные демоны.

Демоны боялись котла как огня (революционного), ибо широко был распространен слух, что если демона угостить тем варевом, то у него начнется приступ правдоискания и спецморализма, в результате он больше не сможет вредить советской державе и преданно служить главным и второстепенным буржуинам.

На дальних подступах к котлу Ивану попался какой-то мальчишка, чумазый и пыльный, в одежке не по росту – видно, после братьев донашивает, с душевной теплотой подумал красный маг.

Парнишка выглядел испуганным, и от Ивана шарахнулся было, но тот по-доброму спросил:

– Ты чей будешь, хлопец?

Из сбивчивого ответа маг разобрал «покушать хотел попросить» и еще уловил что-то про убитого отца.

– Покушать найдем, – ответил Иван, – иди вон туда, кашевары дадут тебе хлеба и еще чего съестного. А вырастешь – выучишься, пойдешь служить в Красную армию, за батю отомстишь.

– Спасибо, дяденька, – уже яснее выговорил приободрившийся пацан. – Наверняка отомщу!

Иван посмотрел ему вслед, по старой привычке проверять всех встречных и поперечных. Не, вроде мальчишка и есть. Хотя... Впрочем, в этих краях у многих поле личности, видимое только магическим зрением, пока еще искажено. Тяжкое тут у них существование, что и гово-

рять. Но зато у этого голодного мальчишки впереди совсем другая жизнь – выучится, станет достойным человеком, строителем светлого будущего. Непременно так и произойдет!

Когда средство против враждебной агитации было приготовлено и распределено среди бойцов, Иван принялся в который раз перечитывать магические военные наставления, большая часть которых была основана на опыте товарища Юрского.

5. Кто к нам с чародейством придет...

В магическую военную историю вошли – как образчик подлинной чародейской риторики – приказы товарища Юрского Магревоенсоветам во время Гражданской войны с буржуями. В них были следующие суровые строки: «...армия должна выполнить свою задачу до конца, хотя бы ценой самопожертвования», и требовал «проявления сверхчеловеческой энергии по скорейшей подготовке армий к наступлению», и пламенно призывал: «Вперед же, товарищи, на последний и решительный бой! Вперед на завоевание нами мира и обеспечение интересов труда! Смело вперед! Пусть же нашим девизом будут слова: «Смерть или победа!».

Красная магия с первых же схваток с империалистами проявила свои лучшие революционные качества и поэтому в телеграмме-поздравлении товарища Юрского – с третьей годовщиной Октябрьской революции, – отправленной в столицу вождям, были следующие строки: «...от имени армий, изготовившихся к последнему удару на логовище смертельно раненого зверя, от имени славных орлов – привет! Железная пехота, лихая конница, непобедимая артиллерия, зоркая стремительная авиация, всепроникающая революционная магия дружными усилиями освободят последний участок Советской земли от всех врагов».

А между тем и враги не дремали, агитируя в своих листовках идти сражаться с «людьми – приверженцами апокалипсического красного дракона...».

Кроме того, были листовки с хитрым искусительством, содержавшие, на первый взгляд, заманчивые предложения: «Бросайте, крестьяне, ваши дела, берите дубины в руки и идите освобождать ваших детей в Красной армии, и вместе идите к нам. Наше правительство вас возьмет и простит, знамо дело по глупости вашей и непониманию продали вас и натравили против нас. У нас англичане, французы пришли нам помогать и вместе отвоюем родину, защитим свои семьи, скарб, хлебушек. Э, да вам всего не втолкуешь, сами увидите, как мы здесь живем. Мы вам все сказали, будет вам хорошо, нет – все едино, плакать будет каждый из вас. Наша армия полосой пройдет и истребит всех большевиков, пощады не будет никому».

Товарищ Юрский прославился и тем, что спас 40 девушек. Однажды могущественный курбаши приказал подобрать 40 самых красивых девушек в возрасте от 10 до 15 лет для того, чтобы выдать их замуж за своих джигитов. После того, как девушки были отобраны, не спрашивая их, назначили день свадьбы. Но местные жители сообщили красным командирам о затее басмачей и в день свадьбы красноармейцы внезапно напали на «женихов», которые потеряли в ходе этой операции 75 лошадей, 31 винтовку и еле успели убежать. А все девушки вернулись домой. Товарищ Юрский отказался выбрать лучших из них для собственной улады.

Две из девушек потом стали курсантами Военного магического университета, а одна – ответственным работником АватарТорга.

Как настоящий боевой маг-универсал, Юрский, успешно проявил себя и в борьбе с басмачами – этими отрядами местных окраин бывшей империи, желавшими после ее развала сохранить самостоятельность – и отчасти самобытность. С их отрядами, которые в красной армии называли шайками, пришлось вести суровую борьбу и само слово «басмач» должно было исчезнуть с языка местных жителей. Но проблема заключалась в том, что банды казались неуловимыми, словно растворяясь без следа в местных селениях, пользуясь поддержкой жителей. Поэтому многочисленные облавы, с передвижением боевых цепей на большие расстояния, оказывались неэффективными. Одной из предпринятых мер стало обещание, что военные не

будут грабить, а за все, что понадобится красноармейцам, будут платить сполна. На притеснения со стороны советских воинов нужно жаловаться их начальству, и обидчикам местных жителей, хулиганам и насильникам «ответ один: пуля в лоб». Взамен потребовал прекратить любому помощь басмачам, угрожая расстрелами тем, кто им будет помогать. В ряды Красной армии были мобилизованы туземцы, отобранные местными властями путем проведения справедливой жеребьевки. Те из богачей, кто пытался откупиться, были мобилизованы в тыловое ополчение и затем посланы на самые тяжелые и грязные работы.

Если бы за дело взялся другой, то борьба с басмачами и тамошними суевериями могла занять много времени и сил, но не такой был Юрский – умело использовавший все преимущества красной магии. Перевоплотившиеся в могучих орлов и менее заметных, но зорких и смысленных птиц, военные маги не только выследили часть банд, но и при помощи магического спецназа фронта (превратившегося в василисков) смогли их обезвредить и часть – предать публичному суду с последующим распылением по земной поверхности. Эмиры и их дворцовые (и гаремные – часть сумела сбежать за океан) были обезврежены и отправлены в секретные лаборатории – на опыты.

Нарком Троцкий отправился в Латинскую Америку бороться с угнетателями, принял на себя функции демона революции. Как гласит история, будучи демоном революции, товарищ Троцкий заявил, что «в лице наших комиссаров, передовых бойцов-коммунистов мы получили новый коммунистический орден самураев...».

Сменив комфортабельный бронепоезд на скоростной мотоцикл, товарищ Троцкий побывал в самых уединенных уголках Американского континента, обращаясь по-свойски с местными и неместными трудящимися. Именно продажа футболок с его изображением, береток, а также калекасов, подобных тому, с которым демон революции тов. Троцкий был запечатлен на одном из фото, дало возможность советскому Внешторгу собрать необходимые для Первой революционной галактической магической экспедиции средства.

6. Наперекор империалистической романтике

*Охраняют земли наши
Красной магии бойцы,
день и ночь стоят на страже
патриоты-храбрецы.*

На рассвете следующего дня беспокойный сон Ивана Черномазова прервал сигнал боевой тревоги. Японцы снова перешли в наступление, намереваясь окружить советско-монгольские подразделения на восточном берегу реки, преградив им путь к переправе.

Иван помчался к берегу, где на одной из безымянных высот вчера была развернута малая магическая батарея. Части РККА и монгольской армии смогли избежать окружения благодаря действиям этой батареи. Но им все же пришлось отступить. На следующий день японцы опять были отброшены...

Тактика активной обороны с постоянными контрударами позволила советско-монгольским войскам успешно противостоять наступающим японцам. Советские летчики установили полное господство нашей авиации в воздухе над театром военных действий, благодаря тому, что в район боевых действий были переброшены новейшие самолеты, оснащенные среди прочего недавно разработанными магическими ракетами «воздух-воздух».

Военные маг-инженеры Филиппов и Сериков создали для этих уникальных, первых в мире твердотопливных ракет не только секретным образом закаленные и перфорированные для надежного полета и неотвратимого поражения цели россыпью осколков корпуса, но и новое взрывчатое вещество. В особых ретортах для этого смешивалось множество тайных компонен-

тов, хотя официально, то есть в простых документах с грифом «Строго секретно», новинка была представлена как пироксилино-тротильный порох.

В дальнейшем для увеличения объемов производства советские маги синтезировали еще одно взрывчатое вещество. Оно было укрыто от шпионов под названием «баллистинный нитроглицериновый порох Н», а на самом деле важнейшим компонентом его был обработанный специальным набором чар вазелин.

20 августа летчики И. Михайленко, С. Пименов, В. Федосов и Т. Ткаченко под командованием капитана Н. Звонарева вылетели на выполнение боевого задания по прикрытию советских войск. Над линией фронта они встретились с японскими истребителями. По сигналу командира был произведен одновременный ракетный залп, которым были сразу сбиты два японских самолета.

Японцы после этого через громкоговорители обвиняли красных магов в «революционном мракобесии» и вызывали на благородное противоборство по древним правилам буржуазных ристалищ.

По приказу командования Иван Черномазов подготовил достойный ответ, который и был отправлен империалистам путем зачитывания через еще более мощные усилители вдоль всей линии боевых действий, а также подлежал публикации в советской печати и рассыланию в все зарубежные посольства, консульства и представительства.

Ответ этот выглядел и звучал так:

«Уважаемые господа японцы и их союзники! На ваш вызов «на благородный магический поединок», отвечаем отказом по следующим причинам:

1. Эксплуататоры трудового народа, сосущие из него жизненные силы, не могут быть никакими благородными, даже если у них в венах течет голубая кровь. Что, кстати, доказывает только их инородность по отношению к рабочим, крестьянам и сочувствующей прослойке интеллигенции.

2. Порядок ведомых нами боевых действий против вас регламентируется Уставом Красноармейской магической службы, а «благородные поединки» в нем не предусмотрены.

3. Если вместо того, чтобы и дальше заниматься своей магической дурью и пытаться остановить эволюцию человечества к светлому будущему вы завтра к 12.00 все вместе выйдете организованными рядами с поднятыми руками, предварительно сложив на открытом пространстве ваши не взведенные (и не приведенные в боевую готовность) артефакты, то вам будет скидка. В приговоре.

4. После перевоспитания трудом на великих стройках нашей отчизны (в том числе – пуске рек вспять и возведения подозерных городов) вы забудете о своем милитаризме, и, получив знаки ударников за произведенную работу, сможете не только остаться на здешних полях, улицах, перекрестках и поселениях, но и перевезти сюда на постоянное местообитание свою семью.

Колхозных земель у нас на всех трудящихся хватит.

5. И напоследок – важная новость – в нашей державе умные ученые вовсю работают над процессом реинкарнации трудового человека, то есть для тех, кто недопонял – возобновления его последующей жизнедеятельности.

Ну, разве стоит после того, как вы это узнали, бессмысленно и бесследно умирать за интересы узкоглазых и не очень буржуев?

С красноармейским приветом!»

7. На земле, в небесах и из-за соображений конспирации – на море

Японцы в это время готовили новое наступление, которое по их замыслу должно было стать победным и окончательным. Ранним утром, еще в предрассветной тьме японские войска тайно форсировали реку, атаковали и смяли подразделения монгольской кавалерийской дивизии, захватив гору возле реки и прилегающую к ней территорию. А Красная Армия могла противопоставить им в десять раз меньше солдат – тысячу против десяти тысяч (только в первый момент, потом японских сил еще значительно прибавилось) и всего лишь полсотни пушек.

И еще одну магическую батарею, которой командовал Иван Черномазов.

В воздух была поднята вся имевшаяся авиация – и бомбардировщики, и истребители. Уже в семь часов утра подоспели первые группы самолетов, начавшие бомбить и обстреливать и японские войска на горе, и переправу через реку. Одновременно с этим не прекращался артиллерийский обстрел горы и переправы. К девяти часам подоспел авангард танковой бригады, сопровождавший «Большое Волшебное Зеркало для решительных наступлений».

По пути танковая колонна была атакована японскими бомбардировщиками. Но танкисты успели рассредоточиться, поэтому обошлось без особых потерь. А два поврежденных танка были быстро восстановлены. К тому же подоспели советские истребители и отогнали японские самолеты, сбив три из них. А зачарованное зеркало враги, на беду себе, так и не увидели.

– Будем готовить контрнаступление, – решило советское командование. – Но необходимо соблюдать строжайшую секретность. Что скажет товарищ маг? Мы сможем перегруппировать войска незаметно для вражеских наблюдателей?

Иван доложил, что, судя по всему, японцы используют для прослушивания и проглядывания советских позиций особую породу демонов, которые умеют улавливать звуки и настроения даже сквозь магическую завесу. А потому, кроме наведения маскировочных мороков, придется применить и другие пролетарские хитрости.

Немедленно был отдан приказ о строительстве оборонительных позиций и рытье окопов, постановке проволоочных заграждений. Согласно приказу, предпочтение отдавалась «возведению» именно тех оборонительных сооружений, чье строительство или наглядно видно или слышно (подобно забивке кольев) противнику. Через два дня на позиции привезли даже специальную магическую машину, которая имитировала звук, будто на советской стороне забивают сваи.

На следующий день бойцам выдали памятки о поведении в обороне, а по радио стали передать ложные сводки о возводимых оборонительных сооружениях. В направлениях предполагаемого главного удара были размещены рекламные щиты – «Наступательную операцию проводит дивизия № ...», что было настоящей реальностью, но, как и рассчитывали красные маги, было воспринято японцами как наглая попытка дезинформации.

Самое важное в современном мире – это информация, упакованная в соответствующую форму, т. е. заклинания, заклęcia, методические указания, психофайлы и магик-раб-крин-документы. Первый магический отдел занимался сохранением секретности и завальцовкой данных в чаро-конверты для отправления спецдресатам.

Приглашенному товарищу Д. Тахо поручили сформировать у зрителей-слушателей соответствующую прогрессивную сознательность путем сочинения подходящих по случаю лозунгов. С докладом, посвященным разработке и внедрению системы документооборота и управления с соблюдением всех норм секретности, доверили выступить Антону Житареву.

В качестве меток о поступлении почты использовались различные зрительные и звуковые фантомы, и поэтому около мест базирования штабов регулярно возникали модифицированные карго-культы.

Было начато строительство ложных мостов и наведение других иллюзий. Вдоль линии фронта постоянно курсировали несколько танков, с которых были сняты глушители, а звук двигателей был усилен специальными амулетами.

В войсках, в свободное от боев и подготовки к ним время, кипела полит- и культурно-массовая работа. Так был силами рядовых красноармейцев поставлен любительский спектакль «Хроника о японском слугителе культа и его трудовом демоне Балде», призывающая иностранных и иноземных демонов переходить на сторону советской власти, в том числе обещая им мирную и относительно непыльную работу дворниками в крупных городах могучей державы и на ее рынках.

Как сообщил один демон, попавший в плен, «те из нас, кто отказывается идти воевать против Советов, обвиняются в «распутном образе жизни и хищениях».

Маг-погодник Эдуард Утукин, откомандированный в помощь красным военным чародеям и местным прогрессивным магам, обеспечивал чистое небо для боевых летательных аппаратов. На фронтовом досуге Утукин давал красноармейцам концерты, исполняя различные музыкальные номера – как в русской, так и старинной тибетской традициях.

Кстати, в советской красной державе белый цвет не был официально запрещен и даже использовался в названиях учреждений и магазинов. Например – те самые «Белые облака», где трудящиеся радовали своими звуками сотворенными мастерами из дальних стран барабаны и прочие предметы туземного искусства.

Отдельная тайная операция была проведена советским военно-морским флотом на дальнем море – чтобы сковать силы коварного врага и не дать ему перебросить часть боевой магической энергии на те самые сопки и грядки.

8. В рукавицах нашей законности

– Товарищ маг! – подбежал к Черномазову красноармеец. – Товарищ маг, там шпиона поймали! Пушку украсть пытался!

– В одиночку? – на бегу уточнил Иван.

– Так точно! Подошел вроде парнишка маленький, мы его раньше видели – возле кухни вертелся. Оно и понятно, голодный, пожалели. А он момент улучил, хват – и пушку прямо в карман засунул! Если бы ствол не торчал, никто бы сразу и не понял!

Уменьшил, догадался красный маг. Пушку-то он уменьшил, но в реальности на вес оружия это не особо влияет, главное, чтобы у него из кармана сейчас никто эту модифицированную артиллерию не выхватил! На ногу уронит – потом несколько суток непрерывного лечения, а магические силы нужны для поддержки наступления.

– Не трогать! – издали заорал Черномазов. – Ничего не трогать!

Незадачливый похититель – это был тот самый паренёк, который еще недавно говорил магу об убитом врагами отце – стоял среди суровых красноармейцев и зыркал исподлобья злыми темными глазами. Пушка и впрямь торчала из кармана. Черномазов аккуратными пассами извлек оружие, трансгрессировал его обратно на батарею и там вернул к обычным размерным характеристикам. Предоставив артиллеристам налаживать сбитый в процессе магических и демонских манипуляций прицел, Иван распорядился отконвоировать пленного в штаб, где и приступил к допросу-разговору.

– Ну, вот снова и встретились. Так значит – это нам ты мстишь?

– Догадались!

– Как тебя зовут?

– Не скажу!

– Пей, парень, чай! Ешь баранки. Хочешь, возьми тульских пряников. А потом, прожевав, четко скажи свою фамилию, имя и отчество.

– Зачем?

– Потому, что ты должен быть наказан. А наказание у нас – только конкретное. Но можно и по-хорошему. Если не по-плохому.

– Называйте меня Плохим, пособником буржуев. Ничего я вам не скажу, а самим вам, проклятым, и вовек не догадаться.

– Ну, так дело не пойдет.

– А как? Пытать будете? Ногами бить? Собаками травить? Начинайте – я готов!

– Какое-то не то у тебя, пацан, представление о социалистической законности. Не будем мы тебя бить. Будем долго и уныло беседовать. А если все же не добеседуемся, то конечно, все равно накажем. За совершенные тобой дела. Только имя и фамилию тебе, раз ты молчишь, сами дадим. Под ними и в историю войдешь. Ну, скажем, будешь ты Сталкериодзе Памфнутий Лукич.

– Ну что?

– Во-первых, заманаешься с документами на такую фамилию жить. Во-вторых, никогда тебя твои родные и близкие не найдут – и не потому что мы спрячем. Просто людей с такими именами-фамилиями-отчествами не ищут.

– Не будут меня искать! Некому! Вы убили моего папу!

– Ну, знаешь, я в этом не уверен. Давай еще попьем чаю и уточним. Как его звали? Да не бойся, раз убили, хуже не будет. А вдруг не убили? Хозяйство в стране большое, люди почти везде нужны.

– Он не человек! Демон! Он – отважный разведчик! Патриот! Добывал секретные документы!

– Ну, демон – тем более. Штучка – извини, оговорился – существо – ценное. Зачем дорогую шкуру портить. Фамилия его-то как?

– Зумбера-бо! Мы славный древний род!

– Знаем, знаем... Да живой он! А все смотрю и думаю – на кого же ты похож! Да – лицо, повадки. Папу твоего после поимки отправили возмещать ущерб и поднимать наше хозяйство – канал строить.

– Все вы врете!

– Предлагаю тебе, как взрослому, честную сделку – я тебе, чтобы доказать, что твой отец жив, устраиваю с ним встречу, а ты – информируешь меня, где какие гадости против нас заложил. И чего упер важного и где спрятал. Ну а за это и в придачу от нас – все возможное снисхождение. Зачем тебе все это, если батя жив и здоров?

– Ну, вы давайте первый докажете...

– Договорились. Да и ждать недолго. Он как раз для одного следственного эксперимента здесь понадобился. У нас не такие трудом исправляются! А ты пока посиди в уголке. Только ничего себе в карманы не засовывай – а то хуже будет.

Маг занялся своими делами. Через примерно два часа раздался шум двигателя подъезжающего автомобиля, потом – негромкий стук в дверь.

– Войдите, – скомандовал Иван.

Дверь отворилась и на пороге возникла фигура в кожаном реглане, в липье военной, яркий блеск сапог... В руках держал он разные бумаги. А на груди – ударника значок.

– Папа!.. – выпалил юный демон и тут же оторопело добавил: – Папа, это точно ты?

– Я, сынок, я. Вот видишь, совсем другая жизнь у меня теперь. Ты это... товарища мага слушай, он тебе зла не желает!

– Как скажешь, папа... – сыновняя почтительность явно боролась в демонской натуре с полнейшим недоумением по поводу такого превращения.

– Здорово, Колька, – задушевно произнес красный маг и протянул прибывшему руку для крепкого пожатия.

- Здравствуй, начальник!
- Ну, что Ширмач, блатную жизнь навеки завязал? Ты понял жизнь здесь новую, другую?
- Да, конечно.
- Ну, так объясни сыну. Как его звать-величать? А то все до сих пор скрытничает.
- Александр он. В честь Македонского. Наш дедушка у него служил.
- Ну, вот и познакомились. Тебе, Колька, уже пора идти.
- Начальник, просьба! – воскликнул бывший империалистический демон. – У меня еще один сын есть. Тоже, небось, с вами воюет. Увидеться бы. Прошу.
- Да ладно, что мы звери что ли! Не демоны лютые, чай. Поймаем его – будет тебе свиданка! Обещаю!
- Спасибо тебе, начальник, мое искреннее, демонское. У нас законы суровые, но слово крепкое.

Красный маг пристально посмотрел на перевоспитанного демона и кивнул. А тот продолжил свою речь:

– Скажи демонам, что Колька Зумбера-бо вырастает Героем трассы в пламени труда. И они за мной потянутся. Тебе же сподручно будет. И у нас план по продукции, и у вас – по перековке.

Маг сурово усмехнулся.

– Разве мы злыдни бесформенные и неразумные! Нам же жить дальше, перед Наркоматом Будущего отчитываться. А тут – демона перевоспитали, у него кстати – ты на это, Сашка, обрати внимание, – только в нашей державе три семьи было. Любвеобильный, но о женах и детях заботился. Поэтому воровал не только секретные карты и военно-стратегические документы, но кошельки и ценные вещи из карманов тырил. На Сухаревке его магические оперативники и взяли. Теперь – трудится.

Раскаявшийся демон повел натруженными плечами. Маг продолжил:

– Не волнуйся, Колька, сынишку отправим в Москву – упорный, хваткий, с магическими способностями. И – все-таки – из семьи пролетарских демонов. И папа как бывший уголовник – в правах восстановлен.

8. Настоящему наркому – даже демон по плечу

Наконец, все было готово для решающего натиска. Ранним августовским утром на японские позиции посыпались бомбы – этот рейд провели двести с лишним бомбардировщиков, которые прикрывали триста истребителей. Господство в воздухе у советских летчиков было подавляющее. После этого загрохотали пушки. Две сотни орудий почти три часа утюжили оборону противника. Тем временем подоспела новая волна бомбардировщиков. И только после этого в атаку двинули танки и пехота.

Против идущих в атаку красноармейцев использовали пение сирен, а так же швыряли на позиции Красной армии мифические рога изобилия, из которых обильно сыпались как советские, так и зарубежные дензнаки, выглядевшие абсолютно как настоящие.

В ближнем бою японцы использовали боевые аннигиляторы критического разума, лишая противника идейной ориентации. Но наибольшую опасность представляли катаны – их боевая поверхность была смазана антисоветским ядом, вызывающим у красноармейцев пищевые отравления и нервные срывы на почве попавших в организм чужеродных идеологий.

В отличие от японских военных магов, советские соблюдали Гаагскую чародейскую конвенцию о неиспользовании нечеловеческих вооружений и не применяли коммунистических зомби.

А песни сирен разом превратились в жалкий писк, когда из репродукторов грянула боевая песня красных магов:

*Собрались наркомы за круглым столом
Пред Красным Граалем и Красным Рублем.*

*Пятиконечная встала звезда,
и тайные знаки упали с листа.*

Но силы японцев еще не были исчерпаны. Демоны и заговоренные солдаты порой бросались в безумные контратаки. Впоследствии газета «Красная магическая звезда» писала в репортаже «Подвиг красного мага»:

«Из-за сопки показалась шеренга демонов. Иван Черномазов поднял противодемонское ружье и нажал на спуск. Мелькнула боевая вспышка.

– Заряжаем! – крикнул он напарнику.

Демоны неуклонно приближались. Иван успел выстрелить еще три раза, прежде чем два демона оказались прямо перед траншеей. Схватив трехлинейку с заговоренным штыком, он бросился в контратаку.

Вихрь сражения охватил поле боя. Замелькали кирзовые сапоги, оскаленные хари демонов, рукоять катаны, расшитое кимоно с наградой за русско-японскую войну... раздались два протяжных стоны, эфир сурового поединка обесцветился, и на песке остались разбросанные причиндалы демонов и окровавленный, но победно улыбающийся, опирающийся на свою винтовку Иван. Он слегка покачивался. Товарищи по оружию бросились к нему, чтобы поддержать. Первым же рейсом раненого героя отправили в лучший столичный госпиталь. Через месяц боец вернулся в строй. Придет время – он станет настоящим наркомом.

– Как мы все убедились, штык лучше катаны! – сказал боец Синеглаз».

8. Нарком Прошлого и Грядущего

– ...Красная армия, советские маги и монгольские подразделения наголову разгромили японские части и чужеземных шайтанов, освободив Среднюю монгольскую территорию. В середине сентября в Москве было подписано трехстороннее соглашение об окончании военных действий. Вот так были побеждены японские империалисты и их маги, которые больше никогда не осмеливались нападать на советские и монгольские земли, сеять семена злого чародейства!

И в любом уголке земного шара у тружеников есть легенды о том, кто освободит их от эксплуатации, даст их детям будущее, сделает мечту реальностью. Об их защитнике, НаркOME Прошлого и Грядущего.

Заслуженный красный маг Александр Николаевич Зумберов сделал паузу и внимательно посмотрел на жадно слушающих его учеников образцовой школы № 5 города Красноканальска – столицы Марсианской советской республики. И продолжил свою речь:

– А я окончил школу, потом магический институт и всю свою жизнь посвятил служению делу пролетарского магического интернационализма и превращательного прогресса. Но и на вашу долю хватит славных свершений! Вам еще предстоит сокрушать эксплуататоров на Млечном пути, пионервожатить на Бетельгейзе и создавать колхозы под лучами туманности Андромеды!

...Вдали, над просторами превращенных в бескрайний яблоневый сад бывших марсианских пустынь звучала песня:

*Сидели наркомы за круглым столом
и думать о будущем было не в лом!*

*На белых и черных водили полки!
кормили драконов в излучьях реки!*

*И вот из руин заблестала страна
Чудес и народного счастья полна!*

*Но звезды их звали, и в дальний поход
опять собирают наркомы народ!..*

Михаил Кликин

Завод имени Гурджиева

Света рыдала.

Света прожила целых двадцать лет на этом свете, но еще никогда она не плакала так горько и безутешно, как сейчас. У нее случилась настоящая беда. Страшное большое несчастье.

Она не оправдала доверия.

У нее был целый месяц, чтобы справиться с порученным делом, а она – вот бестолочь! – всё провалила.

– Гады! – шептала Света и больно шлепала себя ладошкой по голой круглой коленке. – Мерзавцы, сволочи и гады!..

Света сидела на облупленном подоконнике в женском туалете. Спину ей грело теплое апрельское солнышко, за открытой форточкой весело цинькали пичуги, последние сосульки роняли капли на жестяные карнизы, отзывающиеся звонкими и на удивление чистыми «до», «ми» и «соль».

А в душе у Светы играл Шопен.

– Ой, а кто это у нас? И что случилось?

Света не заметила, как в туалете появился кто-то посторонний. Она быстро отвернулась, растерла по щекам слезы, подавила всхлип.

– Ну чего ты так расстроилась, Светка? – Марья Степановна из бухгалтерии подошла к девчущке, приобняла ее. – Из-за мужика, да?

– Сволочи они все, – прошептала Света, стесняясь внимания малознакомой женщины.

– Сволочи, – кивнула бухгалтер. – Так и нечего из-за сволочей расстраиваться! Пошли лучше ко мне, я тебя чаем напою. У меня и конфеты есть. «Мишка на севере» – пробовала?

– Вку-усные, – протянула Света и слезла с подоконника. – Только мне работать надо. До конца смены еще два часа.

– Ой, да ладно тебе, – отмахнулась Марья Степановна. – Ты ж у нас ударница. Норму каждый день перевыполняешь. Так что ничего страшного не случится, если на полчаса отойдешь. А я бригадиру скажу, что ты мне должна документы подписать...

В тихом кабинете, заваленном бумагами, счетами и полуживыми арифмометрами, Света чуть успокоилась. Марья Степановна, поглядывая на притихшую гостью, включила электрический самовар, достала из сейфа стеклянную салатницу с конфетами, вынула из ящика стола надорванную пачку грузинского чая. Спросила:

– Тебе покрепче или как?

– Или как. – Света попыталась улыбнуться.

Старая радиоточка что-то едва слышно шептала – кажется, гость заводской студии докладывал об очередных успехах предприятия.

– Ну, садись и рассказывай. – Хозяйка поставила перед гостьей фарфоровую чашку на блюдце, плеснула горячей заварки из пузатого чайника, расписанного под гжель, добавила кипятку.

Света хотела взять конфету и потянулась к салатнице, но, решив вдруг, что это будет некультурно, отдернула руку.

– Да ты не стесняйся, бери, – разрешила Марья Степановна. – У меня еще пирожки есть, домашние, с капустой. Будешь?

– Неа. Спасибо. Я не голодна.

– А я буду...

Минут пять они сидели тихо, прихлебывая обжигающий чай, с интересом поглядывая друг на друга.

– И как же его зовут? – спросила бухгалтер, отламывая кусочек пирога.

– Да их двое, – сказала Света и, смутившись, что ее неправильно истолкуют, заторопилась:

– Мне поручение дали на собрании. Исправить их. А я не могу. Они не слушаются. Издеваются только, смеются. Вчера опять опоздали. Сегодня в обед пиво пили. С воблой! – Голос Светы обиженно зазвенел, нижняя губка задрожала. – Я им говорила, нельзя, а они всё дразнятся! Пошли, говорят, Светка, с нами пиво пить. С раками! Понимаете?! Сраками!

Марья Степановна хмыкнула.

– Это кто ж такие? Федька, что ли, Комолов? И Захар?

– Да!

– Ну, знаю. Известные оболтусы. Только почему тебя к ним приставили?

– Да я сама вызвалась! На собрании их так чихвостили, а они такие грустные стояли, что мне их жалко стало. Я и заступилась.

– Ох, – покачала головой Марья Степановна. – Грустные они стояли, потому что им похмелиться надо было. Вот почему.

– Ну они же хорошие ребята! Я же разговаривала с ними! Они согласились, чтобы я им помогла!

– Конечно. Им так веселей.

– И что мне теперь делать? У меня комсомольское поручение! А если я совсем его провалю? Если мне в личное дело запишут? Три дня тому назад к ним двоим из милиции приходили! Я же как увидела, так и обмерла! Думала, натворили чего, украли или подрались. А я же их на поруки взяла!..

– Ну, тихо-тихо, успокойся... На-ка еще конфетку съешь...

Они просидели едва не до конца смены. Сидели бы и дольше, если бы не девичья совесть.

– Ой, мне же работать надо! – спохватилась Света, взглянув на часики «Слава». – И станок успеть убрать перед сменщиком!

– Ладно, лети, егоза, – одобрила Марья Степановна, собирая бумажные фантики. – А как беде твоей помочь – я знаю...

Света, уже было юркнувшая в дверь, замерла на пороге и обернулась:

– Что?

– Есть у меня знакомая... Она поможет, если захочет. Я давно ее навестить собиралась, а теперь и повод есть. Расскажу ей о твоих несчастьях, послушаю, что она скажет.

– Она педагог? – Девичьи глаза аж засветились.

– Женщина с большим опытом, – многозначительно подтвердила Марья Степановна. – К ней, насколько я знаю, даже товарищи из райкома обращаются.

– Ой, спасибо вам преогромное! – обрадованно пискнула Света и выбежала в коридор...

Марья Степановна подождала, пока стихнет частый стук девичьих каблучков, потом вздохнула, подошла к стулу, где сидела гостья, и аккуратно сняла с его спинки тонкий светлый волос...

Через два дня Марья Степановна нашла Свету в цехе. Девушка, убрав длинные волосы под берет, стояла у токарного станка и микрометром вымеряла что-то на выточенной детали. Рядом с ней переминались с ноги на ногу разухабистые подопечные – Федька Комолов и Захар Кочергин.

– Ну чо ты меришь? Чо меришь? – ныл худой и долговязый как дрын Федька. – Нормально всё, я ж проверял.

– Запорол, – сурово отвечала Света. – Сам посмотри.

– Да я смотрю. Нормально всё. Чо ты придираешься? Сейчас Михалычу пожалуюсь!

– Да она измерять не умеет, – заступился за друга чернявый Захар. Он подергал себя за чуб, посмотрел в окно, зевнул. – Свет, да хватит тебе уже. Нормальная фаска, в допуски укладывается. Пошли лучше сейчас пиво с нами пить!

– С раками?! – грозно спросила Марья Степановна, выступая из-за штамповочного станка.

– Совсем не обязательно, – съехидничал Федька.

– Ну-ка, брысь, пэтэушники! – Марья Степановна помахала рукой, словно комаров разгоняла. Завидев прибывшего в цех бухгалтера, из своей каморки выбрался бригадир Михалыч, засеменил к компании. Парни переглянулись и отступили, решив, что в конце рабочего дня будет выгодней держаться от начальства подальше.

– Сегодня, – объявила Марья Степановна Свете. – Адрес я на бумажке написала. Ты только не мойся. И какую-нибудь личную вещь возьми. А фотографии ваши и всякую другую мелочь я уже отнесла.

– Фотографии? – удивилась Света. – Не мыться? Но я же после смены!

– Вот и хорошо, – кивнула Марья Степановна. – Сразу после смены и иди. Знаешь улицу-то?

Света развернула листок, прочла вслух:

– Ленина, дом шесть, квартира семьдесят пять.

Кивнула:

– Знаю. Там рядом магазин молочный. Я в нем кефир всегда покупаю.

– Вот и купи кефир, – сказала Марья Степановна. – Пригодится...

В квартире на Ленина дом шесть было сумрачно и тесно. Всюду висели ковры и тяжелые пыльные шторы; сразу за входной дверью громоздилась старая мебель, расставленная без всякой системы – будто только с единственной целью помешать вошедшим. Пахло нафталином и почему-то сеном – причем так сильно, что щекотало в носу. Света вспомнила драмкружок – за кулисами заводского дома культуры была примерно такая же обстановка, которую руководитель кружка называл «библейским бедламом».

– Библейский бедлам, – сказала хозяйка, кутаясь в непонятную хламиду: то ли в грязную, поеденную молью штору, то ли в безразмерный махровый халат.

Света неуверенно улыбнулась – ей показалось, что хозяйка прочитала ее мысли.

– Мысли читать я не умею, – сказала хозяйка, – но догадываюсь, что ты Света от Марьи. А меня зовут Варвара.

Она вдруг быстро и крепко схватила гостью за руку и уколола бугор большого пальца чем-то острым и незаметным.

Света ойкнула и прижалась спиной к двери.

Непонятно как, но дверь оказалась заперта.

– Ты проходи, – спокойно сказала Варвара и забрала у Светы авоську с кефиром. – У меня почти всё готово...

Комната, куда хозяйка проводила гостью, разительно отличалась от убранства остальной квартиры. Ковров здесь не было ни на паркетном полу, ни на стенах, оклеенных светлыми обоями с пятиконечными звездами; на белёном подоконнике стояли портреты членов политбюро, овеваемые дымком ароматической свечки. На проигрывателе крутилась грампластинка – ансамбль «Кудеяр» исполнял песню «Колдовское чувство».

– Подожди тут, пока я на кухню схожу, – сказала Варвара. – Можешь телевизор включить.

– Я лучше книжку читаю, – сказала Света.

– Ну почитай, – разрешила хозяйка и ушла, прикрыв за собой дверь.

Книжки были странные, и их было много. Почти все – на непонятных Свете языках; некоторые – на старославянском, но изданные всего-то год или два тому назад. В других и вовсе вместо букв были одни цифры и непонятные значки.

Минут через пять хозяйка вернулась. Теперь она была одета в строгое черное платье, и Света даже не сразу ее узнала.

– Завтра утром угости кефиром своих обидчиков. – Варвара поставила авоську с двумя бутылками на стол. – И жди.

– Чего ждать? – удивилась Света.

– Сама увидишь.

– Я думала, вы мне педагогический совет дадите.

– Это и есть мой совет... Всё, иди уже. У меня таких, как ты, – по десять штук на дню!

– Ладно... – Света встала. – Спасибо... А точно поможет?..

– Даже не сомневайся.

В темном пыльном коридоре девушка чуть не сбила человеческий скелет, выглядывающий из-за портьеры. С высокой полки ей на голову едва не свалилось чучело совы – или это было не чучело? Обходя комод, заставленный банками с заспиртованными корешками, Света случайно бросила взгляд на кухню, да и застыла: там на месте газовой плиты стоял здоровенный котел, под которым пылало пламя газовой горелки; натужно шумела вытяжка, вбирая поднимающийся пар; на черном каменном столе трепыхалась безголовая курица со связанными лапами. Какая-то горбатая тень с ножом в руке скользнула от стены, толкнула дверь, закрывая ее. Света отпрянула – она успела разглядеть уродливое лицо карлика, обрамленное космами свалывшихся волос.

– Да иди ты, иди, – недовольно заворчала Варвара, выступая откуда-то сбоку и цепко хватая девушку под локоть.

В глазах у Светы потемнело, уши словно пылью забило, разум помутился – и очнулась она уже на многолюдной улице, не помня ни номера дома, где только что была, ни номера странной квартиры, а зная лишь, что завтра утром ей обязательно надо угостить кефиром Захара и Федьку.

Света дождалась трамвая, показала проездной и села на переднее сиденье, устроив на коленях авоську с двумя бутылками. Дорога до заводского общежития заняла без малого час, но Света этого времени просто не заметила...

Утро пятницы началось звоном соседского будильника.

Света открыла глаза и целую минуту лежала, глядя в потолок.

Будильник не унимался.

Света зевнула, села и постучала в стенку кулачком:

– Семён! Вставай! На работу пора!

– Да я уже, – глухо отозвался сосед. – Это не мой будильник. Это у Диановых звонит. А они ушли уже – дверь хлопала...

Света спустила ноги на пол, дотянулась до «транзистора».

«Переходим к водным процедурам», – объявил бодрый голос диктора.

Зарядку Света проспала.

Под утренний концерт по заявкам девушка приготовила завтрак: омлет с колбасой и сладкие гренки. Налила в стакан воды из-под крана, выпила натошак, сделала дюжину приседаний и махов ногами и только потом села за стол, накрытый потертой клеенкой.

– Свет, у тебя сахар есть?! – прокричал из-за стены Семён.

– Нет! – отозвалась девушка. – Только что последки на гренки высыпала! Зато варенье осталось!

– Малиновое?!

– Клубничное!

– Клубничное и у меня есть! Мамино, из деревни!..

Расправившись с завтраком, Света стала собираться на работу. На завод от общежития ходил автобус, и нужно было спешить, чтобы успеть на него. В набитом под завязку салоне всегда было весело – не то что в городском троллейбусе, перевозящем скучных незнакомых людей.

Уже запирая дверь комнаты на ключ, Света вдруг вспомнила про кефир, купленный для ребят. Она ойкнула, хлопнула себя по лбу и вернулась.

Авоська с бутылками стояла за окном – в фанерном ящике, приделанном к форточке. Света достала остывший за ночь кефир, прихватила со стола две гренки и, цокая каблучками по крашеному полу, побежала на работу...

Ребята, конечно же, опоздали. Света уже полчаса работала за токарным станком, сердито поглядывая на пустые места по соседству, когда в грузовых воротах цеха наконец-то появился Захар. Он осмотрелся, будто шпион, и бочком проскользнул мимо каморки Михалыча, на ходу застегивая халат.

– Опоздал! – грозно сказала Света.

– Дай детальку, – попросил Захар. – Ты сколько уже выточила?

– Не дам!

– А я скажу, что ты на нас плохо влияешь! От работы отвлекаешь. Вона, юбку короткую надела. А надо – штаны! Намотает подол на бабку – в одних трусах останешься... – На лице Захара вдруг отразился неподдельный интерес. – Кстати, Свет, а какие у тебя трусы? В горошек или в цветочек?

– Дурак. – Девушка покраснела. – Фёдор где?

– Сейчас придет. Мы с ним поспорили, кто быстрее до завода доберется: он бегом или я на троллейбусе.

– Ты победил?

– Не... Он победил. Только он теперь шагу ступить не может. Сидит на лавочке за проходной, отдувается, газировкой отпивается. Может, сходишь за ним, поможешь? А я тут за станком твоим пригляжу...

– Ну нет, – Света тряхнула головой. – Давай лучше вместе. Ты завтракал сегодня?

– Не успел. А что? Покормить меня хочешь? Это я с радостью!

– Вот и пойдем. Я только Михалычу скажу, что мы отлучимся. По комсомольской надобности.

– По комсомольской, – Захар хмыкнул. – Это ты здорово придумала! А деталь-то мне дашь? По надобности?

– Сам выточись, – сурово сказала Света. – И чтобы с нормальной фаской!..

Кефир ребята выпили залпом – дружно булькая и дергая кадыками.

– А ты, Светка, ничего, – одобрительно сказал Захар и, прищурившись, заглянул в широкое горло пустой бутылки. На верхней губе Захара остались смешные белые «усы», но он этого не чувствовал.

– Еще что-нибудь есть? – спросил Фёдор, дожевывая гренку.

– Неа.

– Жалко... Если будет – приноси. Мы пожрать любим.

Ребята оголодали – Света это почувствовала.

– Жениться бы! – вдруг сказал Захар. – Каша утром, борщ в обед и макароны с гуляшом на ужин... Свет, ты гуляш умеешь?

– Дурак, – неуверенно сказала Света. И, чуть помолчав, добавила:

– Умею...

В цех они вернулись дружной компанией. Прихрамывающий Фёдор рассказывал анекдот про Петьку и Василия Ивановича, Захар рукавом размазывал «усы» по щекам, Света звонко смеялась – не столько над анекдотом и «усами», сколько просто от хорошего настроения.

За открытой фрамугой окна наперебой цинькали пичуги, капель отбивала ритм вальса, а над потрескавшейся бетонной отмосткой, нагретой весенним солнцем, поднимался пар; пахло влажной теплой землей, горячей стальной стружкой и машинным маслом.

И Света почему-то – кажется, без всякой видимой причины – верила, что теперь у них всё будет хорошо...

– Ведьма ты, – одобрительно сказала Марья Степановна своей подруге Варваре, сидящей напротив.

По старой привычке они пили горячий чай с блюдце – так он был ароматней и вкусней.

– Значит, у девочки всё хорошо? – улыбнулась Варвара.

– Теперь эти оболтусы за ней хвостиками вьются, каждое слово ловят. Втрескались – по уши! Оба постриглись, приоделись, в цех приходят раньше всех, уже третий день двойную норму делают – лишь бы девчонка на них внимание обратила.

– А она что?

– Чистая душа. Радует.

– Вот и славно...

В комнату, оклеенную обоями со звездами, заглянул горбун Прошка.

– Варвара Николаевна, там к вам опять из райкома пришли. Или из обкома? Черт разберет!.. Я их вчера не пустил, сказал, что нету вас. А сегодня целая делегация явилась.

Варвара подула на блюдце, покривилась недовольно. Отозвалась:

– Ну потому их немного. Пусть на пороге потопчутся, подождут.

– Хорошо, – Прошка кивнул, вытер руки о замызганный фартук и тихо прикрыл дверь.

– Надоели, – сказала Варвара. – Я уж пять лет как на пенсии, а они всё ходят и ходят. Уехать в деревню, что ли? Бабка зовет меня, ждет. Говорит, как я приеду, она сразу потолок разбирать начнет...

– Чего хотят? – спросила Марья Степановна, собирая со скатерти фантики и крошки от печенья. Ей пора было уходить – засиделась; тем более что где-то в огромной прихожей среди мебельных завалов и пыльных штор томила в ожидании высокопоставленная делегация.

Варвара пожала плечами:

– Я единственный специалист на весь город осталась. Работы-то много, а молодежь не тянет – опыта не хватает. Вот и ходят ко мне делегаты, звонят, письма пишут.

– Понятно, – сказала Марья Степановна и поднялась со вздохом. – Хорошо у тебя, Варвара, только надо мне идти.

– Знаю, – кивнула хозяйка и тоже встала. – Выходи через черный ход, у меня там почище. Прошка покажет.

Они тепло попрощались, обнялись по-родственному. Варвара зычно кликнула Прошку, и горбун тут же явился – словно ждал за порогом.

– Проводи гостью к железной двери, – велела хозяйка. – И води делегацию. Только следи, чтоб не трогали ничего! Знаю я их!..

Прошка кивнул и, шербато ощерясь, протянул руку Марье Степановне.

– Пожалуйте, сударыня...

Вернулся он ровно через три минуты, с поклоном передал новых гостей хозяйке и тихо исчез – только было слышно, как рыгнула дверь кухни, исторгнув клуб пахнущего горечью дыма. Глава делегации, щурясь от яркого света, помахал ладонью перед лицом и неуверенно

поздоровался. Он еще не видел хозяйку – она скрылась за небольшой ширмой, сливающейся со стеной.

– И кто это пожаловал? – будто из-под земли раздался голос Варвары.

Какая-то впечатлительная особа из числа делегации ойкнула и покачнулась, закатив глаза. Ее тут же подхватили, посадили в кресло.

– Неужто сам Михаил Юрьевич? – Варвара, подперев руками бока, выступила на середину комнаты. – Ну, добро пожаловать. Давно не виделись.

– Да уж, Варвара Николаевна. Давненько.

– Вы рассаживайтесь, гости дорогие. Не стойте... Проща! Неси стулья!

В комнате сразу стало суетно: все крутились, стараясь найти себе место. Чувствовалось, что людям здесь неуютно.

– Видно, совсем дело плохо, раз сам первый секретарь ко мне пожаловал, – довольно заметила Варвара.

Михаил Юрьевич был единственный, кто не пытался найти себе место. Он стоял, опираясь на стол, как на трибуну, и пытался снять с фетровой шляпы прилипшую паутину.

– Ну... – сказал он и поскреб тенето ногтем. Потом вздохнул, развел руками и повторил с чувством:

– Ну!

– Ясно, – кивнула Варвара и принялась доставать из шкафа чистые чашки, семь штук – по числу гостей. – Я же телевизор смотрю, газеты читаю, всё вижу... Энтузиазм падает. Трудовая дисциплина не соблюдается. Уважения к представителям власти мало. Партийные поручения не выполняются. Символы государства не почитаются: под гимн не встают, флагу не салютуют, герб малюют где попало и как придется...

– Примерно так, – согласился Михаил Юрьевич и принял чашку с горячим чаем. – Показатели в области падают. Мне уже из ЦК звонили, интересовались, что происходит, велели принять меры. Выручайте, Варвара Николаевна! Вы у нас главный технолог!

– Так я ж на пенсии. Забыли?

– Помню. И вину свою знаю, понимаю всё. Вы уж меня простите, Варвара Николаевна, но не могли мы вас тогда не уволить. Никак не могли! Хорошо хоть под суд никто не пошел...

– Тс-с! – Варвара нахмурилась. – Ладно тебе, Юрьич. Кто старое помянет... Что делать-то будем?

– Да у нас всё распланировано уже! – залебезил повеселевший Михаил Юрьевич. – Для начала проведем летучку с главными технологами, поделитесь опытом. Потом визит на лимонадную фабрику, там новую линию запускают, какой-то импортный напиток делать собираются. У нас подозрение есть, что с полуфабрикатами не всё в порядке – они к нам запакованные идут прямо из-за границы. Вот мы и боимся, как бы... Понимаете?..

– Понимаю, – сказала Варвара. – Боитесь, что из-за импортной газировки наши люди чужую страну начнут любить больше, чем Родину... Попробую проверить, что там подмешано. У меня остались знакомые в Лондоне и Варшаве, хорошо бы с ними созвониться.

– Устроим! Никаких проблем!

– А что дальше?

– Хлебозавод номер пять беспокоит. Из районов, куда поставляется их хлеб, идет в три раза меньше добровольцев на комсомольские стройки.

– Опять, небось, приворот утром добавляют, а не вечером, как положено, – буркнула Варвара.

– И самое главное, – торопливо продолжил Михаил Юрьевич. – Наибольший, так сказать, охват всех групп населения. Это у нас ликеро-водочный завод имени Гурджиева. Сверху пришло указание изменить рецепт. Генеральный объявил борьбу за трезвость, так что теперь

спиртное должно вызывать отвращение. Не обязательно сильное! Это может быть легкая неприязнь, неприятие... И самое главное – любовь к Родине пострадать не должна! Сможете?

– Конечно, – кивнула Варвара и горделиво развернула плечи. – Это же мой рецепт был. Всесоюзный!

– Вот и хорошо! Значит, договорились? А по итогам года мы вас премируем. Медаль обязательно и звание ветерана труда. Сколько пенсия у вас сейчас? Поднимем! Может, у вас какие-то личные просьбы будут? Автомобиль? «Волга» или «Жигули»? Квартира?

Он шевельнул пальцами, и ему тут же вложили в руку блокнотик и золоченый карандаш.

– Да не надо мне ничего, – раздраженно отмахнулась Варвара. – Всё у меня есть! Я же не ради денег работаю, а ради страны нашей.

Она грозно оглядела гостей; никто ее взгляда выдержать не мог – отворачивались, ежились, чаем давились.

– Всё сделаем, как положено, Михаил Юрьевич! – Варвара стукнула кулаком по столу, и гости вздрогнули. – Мы их научим Родину любить!..

Марина Ясинская

Синица в руках, или Змей Горыныч в небе

Черная «шестерка» резво бежала по горячей трассе, пожиная новенькими шинами километры широких советских просторов. Солнце грело, но не жарило, светило ярко, но не слепило глаза. В открытые окна врвался теплый ветер. Он пах прелой травой и нагретым асфальтом, пылью и бензином, и еще немного – Волгой. И даже не столько Волгой, сколько густой зеленью, которой щедро зацвела река в заводях.

В иной день Игорь от души наслаждался бы погожим летним деньком и быстрой ездой. В иной день он, пожалуй, свернул бы к Волге, выбрал местечко покрасивее – хотя что там выбирать, куда ни глянь, везде красота! – полежал бы на песочке, поплавал в теплой водичке. А что цветет она – не беда, цвет весь у берега, а дальше вода чистая.

В иной день. Но не сегодня.

Справа мелькнула синяя табличка. Лихо промахнувшийся мимо нее Игорь притормозил, а потом, убедившись, что дорога пуста, сдал назад. Остановился у указателя, новенького, блестящего, еще не запаршивевшего ржавчиной и птичьим пометом, и некоторое время внимательно изучал надпись.

«Камышинск – 50 км

Приволжск – 90 км

Волгоград – 248 км»

Предыдущий указатель Игорь видел час назад. До Приволжска на нем оставалось сто километров. И вот час спустя до него всё еще почти столько же...

Лежащий на пассажирском сиденье прибор, всю дорогу мигавший тревожными желтыми огнями, тихо запищал. Игорь нахмурился и вытащил из кармана последнее слово коммуникационной чудотехники завода «Красная заря» – Свет Мой Зеркальце Скажи, в простонародье – смзс-ки. Размером с компактное зеркальце, смзс-ки были очень удобным средством связи; с ними народ давно уже позабыл про обычные телефоны.

В зеркальце появилось усатое лицо начальника, Алексей Алексеича.

– Ну? – коротко осведомился он.

– Похоже, что ударило по Приволжску, – сообщил Игорь. – Доехать до города не могу, за час едва сделал десять километров. А чудатчик только что начал подавать звуковые сигналы.

Алексей Алексеич посмурнел, усы собрались кустиком под носом.

Сутки назад на месте чужобычи случился неожиданный сбой в системах экранирования и произошел сильный выплеск сырой чудо-энергии. Экранирование удалось восстановить за пару часов, но с последствиями утечки предстояло разбираться намного дольше – вырвавшаяся сырая энергия могла прожечь дыры в реальности, и эти дыры требовалось найти и срочно залатать.

– Попробуй сменить маршрут, – посоветовал Игорю начальник. – Сделай крюк и зайди к Приволжску с востока. Если не получится – тогда попытайся заехать с юга. В общем, пробуй все дороги. Пробриться в город очень надо!

– Понял, – кивнул Игорь. Закрыв смзс-ку, сунул в карман, сел за руль и поехал к ставшему недосягаемым Приволжску.

* * *

Балваныча, как обычно по утрам, мучило похмелье. Ну, не то чтобы мучило. Когда такое состояние бывает ежедневно на протяжении вот уже двадцати лет, к нему привыкаешь, держишь наготове рассол, минералку или простоквашу.

Впрочем, иногда головная боль донимала Балваныча особенно сильно. В такие дни ни рассол, ни минералка с простоквашей не помогали, и он нерешительно мялся у прилавка аптеки, со скудной заначкой в руках, поглядывая то на боярышниковую, на спирту, настойку, то на маленькую коробочку «Антибодуна». «Антибодун» появился всего пару лет назад, после того, как Харьковский Краснознаменный фармзавод имени Дзержинского внедрил себе в производство передовые чудо-технологии и стал выпускать совершенно новые лекарства, в том числе и «Антибодун». Говорили, что это было воистину волшебное средство, похмелье снимало на раз. Но стоил «Антибодун» два рубля, а за рубль десять у Антонины Семеновны можно было купить чекушку.

В эти минуты в воображении Балваныча представляли весы. Не настольные, как на рынке, а другие, с цепями и чашами. Такие держала баба в простыне на вывеске адвокатской конторы. На одной чаше весов стояла чекушка, на другую невидимая рука клала коробочку «Антибодуна». Чаши качались, но чекушка неизменно перевешивала.

В то утро Балваныча головная боль почти не донимала, и потому проблема выбора между чекушкой и «Антибодуном» его не терзала. Но жажда мучила, а ни рассола, ни минералки в доме не было. Значит, надо идти в магазин.

Придя к такому выводу, Балваныч вздохнул. В свое время завод ему предлагал квартиру на выбор – на втором этаже и на пятом. Молодой он был, глупый, взял на пятом. «Ты посмотри, какой вид из окна!» – говорил он недовольной Катке, показывая рукой на разворачивающуюся перед ними синюю ширь Волги. Что такое семьдесят ступенек для здорового тридцатилетнего мужика? Ерунда! Разве думал он о том, что семьдесят ступенек превратятся в семьсот, когда ему стукнет шестьдесят пять?

Спустившись ко двору, Балваныч отдышаться не успел – расчихался. Да как! Громко, смачно, раз-другой-третий! Сидевшие на лавочке у подъезда соседки-пенсионерки ехидно осведомились:

– Опять похмельный синдром, ПалВаныч?

И, склонив головы поближе, засудачили что-то тихо меж собой. Балваныч уловил «запойный» и «пьяница» – и обиделся. И ответом пенсионерок не удостоил. Хотя мог бы сказать, что, во-первых, никакой это не похмельный синдром, просто пух в нос попал; как наступает июнь, спасу нет от тополиного пуха! А во-вторых, никакой он не пьяница. Да у него ни разу белой горячки не было! И чужое не пропивает, и из дома не несет. Правда, нечего оттуда нести, из дома-то. Как Катка умерла, он уж всё, что можно, давно вынес... И в запой он не уходит, не то что Борисов с третьего этажа. Тот месяц-другой не пьет, зато потом срывается – и неделями, без просвета. А он, Балваныч, пьет аккуратно. К тому же не за ради выпивки, а исключительно в оздоровительных целях; когда-то давно он услышал о том, что в алкоголе есть полезные для организма ферменты, и свято в это уверовал. И ни регулярное похмелье, ни отсутствие знаний о том, кто такие эти самые ферменты, не могли поколебать его веру. С тех пор Балваныч стал трепетно относиться к своему здоровью, укрепляя его ферментами почти ежедневно.

Впрочем, объяснять это языкастым пенсионеркам – это всё равно что метать бисер перед свиньями. Потому Балваныч прочихался, медленно, с достоинством вытер нос ладонью, а ладонь – о засаленный пиджачок, и деланно равнодушно прошествовал мимо кумушек. Не спеша миновал выкрашенный зеленым короб – пункт приема стеклотары. Очередь нетерпеливых мужиков и шумных детей со звенящими авоськами, к окошку пока не выстроилась,

зато позади короба уже стоял ЗИЛ, и грузчики в грязных темно-синих халатах таскали в кузов тренькающие ящики.

В кирпичном доме сразу за коробом и находился универсам «Волжанка», где продавалась спасительная минералка. Балваныч повернул за угол и направился было к стеклянным дверям «Волжанки», да так и замер на месте, увидев рядом с облупленной телефонной будкой *его*.

Рассматривал Балваныч пристально и недоверчиво. Всё честь по чести: прорезь для монет, выемка для сдачи, квадратики с надписью «с газом – 1 коп.» и «с сиропом – 3 коп.», окошко с носиком крана слева и перевернутым вверх дном граненым стаканом справа. И крупными печатными буквами надпись наверху – «Газированная вода».

Нерешительно протянув руку, Балваныч надавил на стакан. Граненые края послушно утонули в резиновом дне, и оттуда прыснули струи воды. Балваныч ошарашенно покачал головой. Надо же, автомат с газировкой! А ведь их вот уж лет десять как перестали ставить – перешли на газировку в бутылках, с бутылками ведь проще, их ни ремонтировать не надо, ни брошенные в прорезь деньги собирать, ни сироп доливать.

При мысли о холодной шипучей газировке пересохшее горло спазматически сжалось. Позабыв о минералке, Балваныч зашарил в карманах, размышляя, откуда этот автомат здесь взялся.

В карманах нашелся только мятый рубль и пятнадцать копеек.

Балваныч с досадой саданул кулаком по боку автомата – вот ведь!

Кулак противно заныл, зато в окошечке для возврата монет послышался редкий звон. Балваныч торопливо пошарил в крошечной нише и выудил добычу: одну трехкопеечную монету и пару копеек. Балваныч тут же бросил копейку в прорезь, нажал на кнопку. Автомат тихо фыркнул, и шипучая газировка вмиг наполнила запотевший стакан. Балваныч выпил ее одним махом. Эх, хороша! Куда лучше, чем в бутылках! И жажда враз прошла, и голова прояснилась. И вроде как сил сразу прибавилось. Даже поясница ныть перестала.

Балваныч довольно крикнул. Перебрал монетки, выудил трехкопеечную, задумчиво повертел в руках. Пить больше не хотелось, но очень хотелось узнать, какой в автомате сироп. Хорошо бы, апельсиновый...

Он почти чувствовал сочный цитрусовый вкус во рту. Ему было двадцать, и он первый раз оказался в Москве, на всесоюзном концерте комсомольской самодеятельности. На сцене в Сокольниках шли представления, ребята волновались перед выступлением, а он тогда впервые встретил Катю... Они гуляли вдвоем по аллеям парка, украдкой беря друг друга за руку. Зелень деревьев была яркой, музыка с танцплощадок – зажигательной, жизнь – прекрасной. А газировка – апельсиновой.

«Не стану сейчас. Какая нужда? Я ж одним стаканом напился», – решил Балваныч и пошел домой.

До квартиры поднялся – и не заметил, только у двери спохватился, что одолел лестничные пролеты одним махом, без остановок, и за сердце не хватался. Какое же это, оказывается, удивительное и позабытое ощущение, когда ничего не болит!

Дома Балваныч учинил обыск на предмет копеечных и трехкопеечных монет. Пока он их искал, за окном промелькнула большая тень – будто птица пролетела. Только вот слишком уж большая. И силуэт какой-то квадратный...

«Почудилось», – решил Балваныч и продолжил поиски. И был вознагражден, найдя на полу за холодильником и в щели трюмо в прихожей несколько монет. Ссыпав их в карман пиджачка, Балваныч помялся немного – и решил вернуться к автомату. Пить не хотелось, но ему не терпелось узнать, какой же там сироп.

Дойдя до голубоватого автомата, Балваныч опустил три копейки в прорезь и нетерпеливо уставился на зашипевшую струю. Принюхался. Ну, точно, сироп апельсиновый!

Пил Балваныч не спеша, смакуя каждый глоток. Крякнул с удовольствием, сполоснул стаканчик, шаг сделал – и тут его как скрутило! В поясницу вступило, сердце зашлось, перед глазами пошли круги. Ослабевший Балваныч согнулся в три погибели и, тяжело дыша, привалился к автомату.

Мимо прошаркал, прихрамывая, дядя Коля – в мятой дачной панамке и грязной майке, завязанной на загорелом пузе узлом.

– Эге, ПалВаныч, как тебя скрутило! – сочувственно покачал головой он. – Может, тебе ферментов принять надо? – спросил он, доставая из кармана вытянутых трико початую чекушку; как и все, он знал про крепкую веру Балваныча в оздоровительное действие ферментов алкоголя.

Балваныч схватил чекушку, торопливо глотнул. В горле обожгло, внутри загорелось – но не полегчало. Только сильнее желудок заболел. И мысль о минералке из «Волжанки» показала вдруг не просто заманчивой, а спасительной. Хотя зачем же в «Волжанку», когда есть автомат с газировкой?

Трясущимися руками Балваныч бросил в автомат копейку, дождался, когда наполнится стакан, и насилиу сделал глоток, другой. А едва допил – как рукой всё сняло.

Чудеса!

Дядя Коля тем временем с любопытством наблюдал за Балванычем.

– Отпустило, что ли?

– Отпустило, – ответил Балваныч и, нахмурившись, задумался. А надумав, решительно выдохнул и бросил в автомат еще три копейки. Недрогнувшей рукой взял полный стакан и выпил до дна.

Снова скрутило, да так, что свет не мил.

Балваныч, задыхаясь, кинул копейку. Газировка в горло уже не лезла – это ж четвертый стакан! Но эксперимент важнее! И Балваныч мужественно, глоток за глотком, влил в себя всё до дна. И снова с последним глотком вмиг отпустило, и такая ясность в голове и легкость в ногах – ну будто заново родился!

Интересно...

– Колян, – немедленно решил проверить свои подозрения Балваныч, – ты вроде жаловался, ноги у тебя болят.

– Болят, – буркнул в ответ дядя Коля и рассеянно почесал выглядывающее из-под узла майки пузо. – А тебе-то что?

– Да так, – Балваныч бросил в прорезь копейку и протянул дяде Коле полный стакан. – На-ка, выпей.

Дядя Коля поначалу отнекивался, не хочу, мол, но, уступив настойчивости Балваныча, все-таки тяпнул стакан.

– Ну, как? – поинтересовался Балваныч.

– Нормально, – пожал плечами дядя Коля. – Ладно, пора мне.

Балваныч провожал удаляющегося приятеля внимательным взглядом. Правда, что ли, дядя Коля прихрамывать перестал, или ему только кажется?

От размышлений его отвлек организм. Четыре полных стакана газировки – это вам не шутка. И Балваныч заторопился домой.

* * *

Под вечер, так и не добравшись до неуловимого Приволжска, Игорь понял, что вот-вот заснет прямо за рулем и остановился в первом же населенном пункте. Им оказалось зажатое между асфальтовым и железнодорожным полотнами село.

Сочная, свежая зелень лугов, среди которых живописно раскинулись высушенные горячим летним солнцем домишки, приятно контрастировала с четырьмя грязно-желтыми, забытыми в железнодорожном тупике вагонами. Под густым налетом копоти на железных боках можно было разглядеть строгую надпись «С горок не спускать». Вытоптанная в траве песочная проплешина у самых рельсов знаменовала собой местную станцию.

За проплешиной проглядывала почти погрузившаяся в почву асфальтовая клякса, а за ней стояло одноэтажное здание из некогда белого, но уже давно уныло посеревшего кирпича. В трех больших окнах можно было разглядеть засиженные мухами занавески, не знавшие стирки несколько лет, а над ними – запыленную, с белесыми следами частого птичьего пребывания вывеску «Кафе». Повертев головой, Игорь, за неимением альтернатив, направился туда.

В кафе было два стола, горшок с тощим алоэ, выцветший красный флаг на стене, Ленин в рамке в углу и скужающая продавщица с химией на голове и фартуком в горошек за прилавком. Редким посетителям здесь предлагали на выбор сосиски в тесте, чай, кофе и беляши в налете побелевшего жира. Несмотря на куцее меню, Игорь мучительно долго размышлял, что бы ему заказать. В итоге решился на чай и сосиски.

Тщательно разжевывая резиновое тесто, Игорь читал «Краснопартизанские провинциальные известия» четырехдневной давности. Из них он узнал, что в Подшибаловке прошел районный фестиваль симфонической самодеятельности, что председатель колхоза пообещал дояркам достать для коровника произведенные по новым чудо-технологиям доильники, а глава местного облисполкома Римско-Корсаковки, Залётный Ярополк Олимпиадович, пошел на повышение по партийной линии в Москву. Когда новости закончились, Игорь, допивая чай, до мельчайших подробностей изучил вид из окна – на ухабистую улицу, покосившиеся сараюшки, переделанную в зернохранилище облупленную церковь, шустрых куриц, ленивых коров и деловито копошащихся на грядках баб. За всё это время он так и не увидел ни одного мужика, не считая двух чумазых пятилетних пацанов в огромных семейных трусах, заменяющих летние комбинезончики, и дрыхнувшего в тенике под забором старика.

А потом, когда ночь окончательно сменила длинный летний вечер, Игорь устроился поудобнее на заднем сиденье своей «шестерки», опустил стекла и долго смотрел в высокое темное небо, усыпанное звездами, так редко посещающими ночные просторы густо электрифицированной столицы. Над железнодорожным тупиком искрил одинокий фонарь и ярко горела какая-то звезда. Может, Полярная, Игорь наверняка не знал. Откуда-то издалека время от времени доносился протяжный гудок пересекающего бескрайние просторы страны поезда, и звук этот казался единственным признаком жизни на всю округу – с наступлением темноты село замерло и затихло какой-то неуютной, неживой тишиной. И Игорю на миг даже показалось, что вырвавшаяся чудо-энергия прожгла дыру именно здесь, и что в наступившей ночи село медленно погружается в эту дыру, выпадает из реальности, вымирает прямо у него на глазах...

* * *

Несмотря на то, что ему вот-вот стукнет восьмой десяток, дядя Коля был пенсионером работающим. И не сторожем каким, и не дворником, а самым что ни на есть начальником. Единственной в городе спасательной станции.

Больные ноги, конечно, мешали работать. Ну, если честно, мешали не столько работать, сколько рыбачить. Какая уж теперь работа! Пусто на берегу. Это раньше, когда еще работал в городе НИИ геофизики Поволжского отделения Академии наук СССР, в Приволжье летом за городскими пляжами нужен был глаз да глаз. Но когда буквально в ста километрах к северу от города обнаружили скважину, народ массово подался на чудобычу. Развитие чудо-технологий давно было в приоритетах партии, и работникам этой отрасли доставалось больше привилегий.

Вот и на чудобыче платили заметно больше, чем в любом НИИ, к тому же жильем обеспечивали почти сразу.

И вот уж несколько лет как переквалифицировались в чудобытчиков лаборанты, инженеры и старшие с младшими научные сотрудники, уехали из Приволжска, увезли с собой семьи. Город опустел, и спасать из воды стало особенно некого.

Но «спасалка», как ласково называл станцию дядя Коля, пока стояла. Он подозревал, что ее еще не закрыли просто потому, что в горисполкоме про спасалку забыли – ведь расходов-то на нее почти нет. В штате всего трое, не считая приبلудной дворняги: начальник, то есть он, дядя Коля, с окладом в восемьдесят один рубль, моторист Василий, военный пенсионер с окладом в шестьдесят девять рублей, и спасатель-водолаз Серёга, Василию двоюродный племянник, с судимостью за хулиганство и окладом в пятьдесят рублей. Итого – двести рублей. В бюджете почти и незаметно.

Дядя Коля только радовался, что спасалку не закрыли – ведь, как никак, чуть не четвертак он на ней проработал. Знала станция и лучшие времена – ну да что ж теперь? Главное, пока она есть, дядя Коля вроде как при деле, и денжат ему маленько перепадает. Рыбешка, опять же. И, что особенно важно, спасалка дает законный повод уходить из дома – в четырех стенах «хрущевки» он бы давно уже с ума сошел от скуки и особенно от ворчания его Шурки.

Вот и пропадал дядя Коля на Волге – и в будни, и в праздники, и зимой, и летом. Раньше, пока ноги не болели, на велосипеде ездил, теперь – пешком. Косточки и объедки из дома в стеклянных банках носил, дворнягу прикармливал. Рыбачил помаленьку, помаленьку рыбку коптил.

Спасать из воды давно уже некого, но Волга-то в кровь вьелась, так и манит. Про Кулигина дядя Коля, если и слышал когда, то давно позабыл. Иначе удивился бы, что, глядя на реку, возле которой провел всю жизнь, думает он ну слово в слово как герой Островской «Грозы»: «Вот, братец ты мой, пятьдесят лет я каждый день гляжу за Волгу и всё наглядеться не могу». Правда, так ладно сказать он в жизни бы не смог. И только когда уж совсем переполняли его чувства, вслух дядя Коля мог только выдохнуть тихонько: «Эх, мать твою, вот ведь!» – и зачем-то оттянуть воротник рукой.

Из пяти судов, что когда-то были на спасалке, два катера и одна моторная лодка долго валялись на берегу, умирая от рака железа – ржавчины. Но осталась еще одна «моторка» и одна «вёселка». Дядя Коля из своих скромных средств покупал бензин, заправлял моторную лодку и ездил рыбачить. Вот где больные ноги ему мешали. Столкнуть вёсельную лодку на воду, грести, перелезть потом из нее в моторку, вытянуть сети, перебрать их и закинуть обратно – мочи нет. Да еще и станция, приземистая деревянная изба с широченной верандой, стояла на самом верху берега, а берег здесь был высокий и крутой! Длинная деревянная лестница от избы до пляжа спускалась вниз почти отвесно, и каждый подъем давался дяде Коле из раза в раз всё тяжелее.

Однако в этот раз длинную деревянную лестницу дядя Коля преодолел с давно позабытой легкостью. И не запыхался почти. И настолько этому удивился, что даже обернулся и внимательно рассмотрел ступени. Да нет, всё такие же отвесные и крутые. А ноги не болят. Будто молодой силой налились. Чудеса!

Дядя Коля осторожно, с опаской порадовался, отмахнулся от мыслей, надолго ли ему такое счастье, и решил просто наслаждаться давно позабытым ощущением, которое по молодости совсем не ценил – когда ничего не болит.

Летом моторка стояла на якоре метрах в ста от берега, подальше от хулиганов и ворья. В прошлом году у дяди Коли на даче даже бак для поливки уперли. Здоровый бак, литров на пятьсот. Ну а если уж такую махину свистнули, то и моторку заберут, не задумаются. Вот и держал ее дядя Коля на воде, а сам до моторки на вёселке добирался.

Подойдя к пошарпанной лодке со следами бледно-голубой краски на боках, дядя Коля увидел, что волны прибили рядом с ней к берегу оранжевую строительную каску. «Откуда это?» – удивился он про себя, подняв находку. Неужто со стройки принесло?

Лет двадцать назад затеяли в Приволжье строить через реку новый мост. Да не мост – мостище: двухуровневый, железнодорожное и автомобильное полотно внизу, а наверху – скоростные трамваи. Нагнали кранов, раскурочили ковшами экскаваторов весь берег, загадили заводь, распугали пляжников, на подъеме финансов и амбиций поставили первый пролет, и...

За двадцать лет принимались за мост неоднократно. Как власть в исполкомах менялась, так прибавлялось к мосту по одному пролету. Нынешний председатель горкома возводил сейчас шестой пролет. Оставалось еще пятнадцать...

В общем, каску наверняка кто-то из строителей потерял, рассудил дядя Коля, повертел в руках да и бросил в лодку – сгодится в хозяйстве.

Выплыв на середину реки, дядя Коля отыскал заброшенные им сети, проверил две и только вытянул третью, как вдруг нахмурилось небо, откуда ни возьмись налетел ветер, а вслед за ним послышался гром. На такие случаи у дяди Коли был припасен хороший кусок брезента, чтобы, если что, от дождя спрятаться. Только сейчас брезента не было – дядя Коля всю лодку обшарил. «В вёселку, что ли, переложил прошлый раз – да там и забыл?» – подумал он.

Тем временем гроза разошлась, реку взволновала – на легонькой моторке до берега сейчас не добраться. Дядя Коля устроился на корме и, вздохнув, водрузил на голову оранжевую каску. Вот и сгодилась находка. От дождя она, конечно, не спасет, но зато хоть голова сухой останется.

Гроза бушевала. Среди раскалывающих небо молний дяде Коле как-то раз привиделся летящий меж набухших туч странный самолет – без крыльев и хвоста, полностью квадратный.

«Неужто НЛО?» – подумал дядя Коля, вспомнив статьи про неопознанные летающие объекты, которые он читал как-то в «Спутнике» и «Технике – молодежи».

Новая вспышка молнии на миг ослепила, а когда мир снова проявился перед глазами, никакого НЛО в небе уже и не было. «Померещилось», – решил дядя Коля, крепко держась за края раскачивающейся на высоких волнах моторки.

Вскоре гроза унялась, тучи рассеялись, нерешительно выглянуло солнце, огляделось и, приободрившись, принялось деловито сушить дядю Колю. А дядя Коля осмотрелся, увидел, что от сети-то его почти и не отнесло, и принялся деловито ее тащить. Пара лещиков, судак, еще один судак, покрупнее. А что это там такое показалось? Ба, никак сом! Вот это улов так улов! Царский! Дядя Коля нетерпеливо потащил тяжелую мокрую сеть на себя. Да так увлекся созерцанием идущей к нему в руки солидной усатой рыбины, что шум мотора приближающегося катера услышал только когда тот подошел совсем близко.

Рыбнадзор. Эх, вот невезенье!

Дядя Коля бросил сеть обратно за борт – хотя что толку, всё равно найдут! – и прищурился. Не сам ли Петр Андреич там? С Андреичем у него давно всё улажено – дядя Коля с ним уловом делился, лещей копченых передавал, на уху приглашал, а тот взамен не замечал его сетей.

Нет, не Петр Андреич. Серёга со своими парнями. Эти рыбинспектора – из молодых, да наглых. Рыбу конфискуют (чтоб потом самим слопать), а штраф всё равно выпишут.

Дядя Коля, усевшись на корму, с горя нахлобучил поглубже каску и угрюмо уставился под ноги – поджидать вымогателей. Когда те подъехали к моторке, он даже головы не поднял.

– Никак лодка со спасалки? – донесся до него резкий Серёгин голос.

– Вроде она. Похоже, грозой сорвало. Вернуть, что ли? – задумчиво предложил другой голос.

– Оно тебе надо? – фыркнул Серёга. – Слушай, а мне казалось, в ней сидел кто-то. А сейчас никого.

– Может, за борт во время грозы свалился?
– Если свалился – значит, сам дурак.
– А если утонул? – взволновался второй голос.
– Старый пердун со спасалки? – уточнил резкий Серёгин голос. – Утонул – ну, и черт с ним, с браконьером! Зато сети остались. Давай-ка проверим, что там в них?

Когда рыбадзор, перебрав сети и прихватил с собой всю оставшуюся в них браконьерскую рыбу, уехал, дядя Коля еще долго провожал недоуменным взглядом удаляющихся рыбинспекторов. Ну, не бывает же, чтобы с двух шагов среди бела дня – и человека не увидели! Чудеса...

* * *

Игорь успел уже дать хорошего кругалю – утром до самого Волгограда добрался, развернулся и поехал обратно. Городище и Дубовка остались позади, а синие таблички раз за разом показывали, что до неуловимого Приволжска около ста километров. А Игорь, между прочим, уже вторые сутки ехал.

Миновав Быково, Игорь решил, что скорость тут не поможет, и поехал медленнее, глядя на проплывающие мимо пейзажи. Заброшенные, почти поглощенные лесами и лугами деревни, развалины каменных часовенок, железнодорожные тупики, поросшие высокой, по пояс, пылью, и ржавые скелеты, да такие обглоданные, что и не сразу разберешь, что это было – трактор ли, запорожец или тарелка пришельцев.

А какие поселки, какие названия! Сколько в них народного духа, сколько фольклорной поэтики! Сначала Антиповка, Поповка и Сестренки. За Камышинском – ботанические Липовка, Терновка, Дубовка, за которыми пустились вскачь Галка и Бутновка, Верхняя Добринка и Нижняя Добринка, Щербатовна, Щербаковна, ну и, конечно, село Воднобуерачное. За селом пролегала граница между творчеством народным и творчеством советским – впереди лежали Гвардейское, Красноармейск, Чкаловское и Октябрьское, Красный Текстильщик и, наконец, Энгельс и Маркс. Не люди, конечно, а города.

Четырежды за всю дорогу возникали перед Игорем надписи «Приволжское – 1 км», и он преждевременно радовался, путая очередной поселок Приволжский с городом Приволжском.

К вечеру у четвертого села Приволжского у него запищала смзс-ка.

– Да, Алексей Алексеич, никак не получается, – сообщил Игорь в зеркальце усам начальника. – Я доехал аж до самого Волгограда и теперь обратно еду... Да куда уж дальше – до Ульяновска, что ли?

– А сейчас ты где? – поинтересовался начальник.

– Я у Приволжского, – ответил Игорь. И, увидев, как удивленно подпрыгнули усы в зеркальце смзс-ки, пояснил: – Не у Приволжска. У поселка Приволжское. Который между Марксом и Энгельсом. Городами, ясное дело, – зачем-то пояснил он.

– Оставайся там, жди курьера, – приказал начальник. – Придется принимать крайние меры.

– Мне? – напрягся Игорь.

– Нет. Нам. Нам придется принимать крайние меры, чтобы попасть в город. Там уже явно прожжены солидные дыры, якоря наверняка выброшены, и через них Приволжск затаскивает в чудо-реальность. Собственно, похоже, что уже наполовину затянуло. Значит, и попасть туда теперь получится только с помощью чудо-технологий.

– А у нас такие есть? – удивился Игорь.

– Как раз на днях Кировский НИИ чудо-технологий представил прототип валенок-скоороходов. Еще, правда, непроверенный. Вот и опробуешь их в деле.

* * *

После побоев голова гудела немилосердно.

«Может, сотрясение?» – вяло подумал Сенька, докурив сигарету, аккуратно завернул окурок в газету, вышел на улицу и поплелся к мусорным бакам.

Три мусорных контейнера стояли у дальнего угла дома, прямо у веранды, надстроенной деловыми жильцами, недовольными тем, что планировка «хрущевок» не предусматривала для первых этажей балконов. Рядом с мусорными баками на протянутой к дереву веревке сушилось и пропитывалось ароматом плавящейся в полуденном зное помойки мокрое белье.

Сенька едва не задел розовую наволочку и, воровато оглянувшись, выбросил сверток. Однажды его за этим делом чуть не застала тетя Маруся с четвертого этажа. Любопытная соседка банным листом цеплялась к любому мало-мальски подозрительному событию и не успокаивалась, пока не узнавала всю подноготную. Не хватало только, чтобы она до правды докопалась и матери рассказала. А мать знать не должна – это было Сенькиным железным правилом. Сеньке было двенадцать, когда их бросил отец. Тогда, глядя на плачущую мать, Сенька пообещал себе со всей яростью подростка, который уже всё понимает, но еще ничего не может изменить, что из-за него мать плакать не будет... Именно поэтому он старательно скрывал от нее, что курит. Как и то, что играет в карты. И проигрывает. Много.

Правда, скрывать становилось всё сложнее. Уже два раза Сеньку поджидали подручные Фитиля, требовали возвращения карточного долга, и уже два раза он получал по зубам. Сегодня его избили в третий раз. Крепче, чем в предыдущие. И пригрозили еще более жестокой расправой. Вопрос «чем покрыть долг» становился всё острее.

Сенька давно уже продал кассетный магнитофон, смсзс-ку и радиоприемник. Потом вытащил из-под плинтуса в прихожей завернутые в отрезанную колготку две пластмассовые коробочки, в которых хранились «фамильные драгоценности» – золотая цепочка с крестиком, серьги с поддельной бирюзой и два массивных перстня с крупными искусственными камнями, на которые была мода во времена юности его родителей. Драгоценности Сенька тоже отдал в счет покрытия набежавшего долга, и совесть его почти не мучила: мать не скоро обнаружит пропажу. Она работала дворником и не наряжалась вот уж лет пять и, пожалуй, столько же не заглядывала в тайник под плинтусом в прихожей.

За что его совесть мучила, так это за утащенный из дома пыльный бархатный футляр с медалями деда. За что именно они были получены, Сенька не знал – он был слишком мал, чтобы запомнить военные рассказы ветерана. А после и не расспрашивал – ему было неинтересно. Но зато он знал, что воинские награды Великой Отечественной ценятся.

Фитиль оценил их в счет одной задолженности.

Сегодня, вернувшись домой и остановив кровь из разбитого носа, Сенька еще раз обыскал квартиру на предмет чего-нибудь ценного и не используемого регулярно в хозяйстве. Чего-нибудь такого, чем можно было бы погасить часть долга. Обыскал, хотя знал, что ничего не найдет.

Голова гудела, как будто внутри разожгли газовую колонку. Доковыляв до третьего этажа, Сенька остановился перевести дух и прижался лбом к пыльному стеклу окна в подъезде. Что делать? Если он не покроет хотя бы часть долга, подручные Фитиля в следующий раз его так разделают, что он в больнице окажется!

«И зачем я только сунулся с ними в карты играть? – в который раз подумал Сенька, в отчаянии тычась лбом в стекло. – И зачем возвращался играть в надежде отыграться?»

Мимо окна промелькнула какая-то тень. Сенька поднял голову и с удивлением уставился на стремительно удаляющийся квадратный силуэт.

«Ну, точно, сотрясение, – решил он про себя. – Вот уже и всякие летающие паласы чудятся».

Тут что-то ярко вспыхнуло, поймав луч солнца, и Сенька, позабыв о галлюцинации, принялся разглядывать крышу над подъездом, пока не увидел, что среди пыли, осколков пивных бутылок и птичьего помета сверкала какая-то железка.

Сенька немедленно спустился на второй этаж, с трудом приподнял разохшуюся раму окна и протиснулся на козырек. Проведя последние дни в раздумьях, где бы раздобыть что-нибудь ценное для покрытия долга, он бросался на всё, что блесло.

Миг спустя Сенька уже вертел в руках раскаленный солнцем тяжелый кастет, прикидывая его ценность. Разочарованно вздохнул – выручки находка не сулила. Сенька уже собрался было его выкинуть, но в последнюю секунду передумал. Мало ли, вдруг сгодится. Сенька даже примерил кастет на руку, сжал кулак, размахнулся, представив, как должен ужаснуть его вид воображаемого противника, – и тут вдруг голова закружилась.

«Однозначно у меня сотрясение», – отстраненно подумал Сенька. Иначе чем объяснить, что у него опять начались галлюцинации? Правда, на этот раз ему не привиделись крылатые чудища. Сеньке отчетливо мерещилось, будто он превратился в волка. Стены лестничной площадки стали выше, многообразие цветов растворилось в черно-белой гамме, а нос сходил с ума от бомбой взорвавшегося запаха мочи и щей из кислой капусты.

Голова перестала болеть, во всем теле забурило энергия. Сенька пружинисто вскочил на все четыре лапы и перемахнул через лестничный пролет. Задержался у стекла окна, с любопытством глядя на свое отображение. Поджарый, мускулистый, морда суровая, мех благородного серого оттенка со стальным отливом, глаза зеленоватые и холодные. Сенька довольно улыбнулся, и зверь в стекле жутко ощерился клыкастой пастью ему в ответ.

«Вот бы меня сейчас Фитиль увидел. Он бы вмиг в штаны наложил со страху», – подумалось Сеньке. И картина побелевшего от страха Фитиля так захватила его, что он решил немедленно разыскать своего кредитора.

Сенька выскочил во двор и рванул к Фитилю. Бродячие псы поспешно убегали с его пути, бездомные кошки улепетывали в подвалы и ныряли в мусорные баки, играющие во дворах дети испуганно жались к родителям.

У двери квартиры, до боли знакомой всем местным картежникам, Сенька притормозил, столкнувшись с неразрешимой задачей – кнопка звонка оказалась непривычно высоко, а попытки постучать окончились полным провалом. Тут, на его счастье, дверь открылась сама – ровно настолько, чтобы выпустить очередного незадачливого игрока, явившегося в надежде отыграться. Сенька прошмыгнул в узкий проход прежде, чем его смогли остановить, и уже миг спустя стоял перед замершим от неожиданности Фитилем.

Умом Сенька понимал, что перед ним Фитиль, но в этот раз он видел его как-то по-другому. Фитиль, которого он знал, был модно одетым и надменным, с высокомерно приподнятыми бровями и взглядом, который давил на Сеньку почти физически. Сейчас же глаза волка видели перед собой просто гладколицего худого парня с прищуренными глазами. Фитиль сидел за массивным письменным столом; перед ним лежали аккуратные пачки денег, счетная машинка и новенькие колоды карт.

Фитиль вздрогнул всем телом. Сенька прижал уши к голове и раскрыл рот, собираясь торжествующе спросить: «Ну, что, испугался?» Вместо этого у него вырвалось тихое, угрожающее рычание.

– Хорошая собачка, – неестественно-спокойным голосом проговорил Фитиль и, не шевелясь и не меняя интонации, спросил у кого-то из своих подручных: – Чей это кабысдох?

– Ничей, – отозвался приглушенный голос из коридора. – Забежал с площадки, когда Тюлька уходил.

– Ну, так выведите его кто-нибудь отсюда. Может, он бешеный.

– Не похоже. Уж больно он для беспризорного чистый, – поощренный молчанием Фитиля, голос из коридора окреп и продолжил уже увереннее: – И не отощавший. И, гля, у него на лапе какая-то хреновина типа браслета.

Сенька опустил глаза и с удивлением обнаружил, что правую лапу и впрямь плотно обхватывает кольцо из блестящего металла. Фитиль тем временем осторожно привстал. Сенька мгновенно вскинул голову и зарычал.

– Хорошая собачка, – пробормотал Фитиль, плюхаясь на место.

Патовая ситуация – бледный Фитиль, окаменевший на стуле, и Сенька напротив него, оскалившийся клыкастой пастью, – длилась несколько долгих минут. Наконец Сенька решил, что попугал Фитиля достаточно и пора уже и восояси. И тут его взгляд скользнул по широкому подоконнику. Среди окурков и пустых пивных банок валялся пыльный бархатный футляр, в котором несколько недель назад он принес дедовы медали.

Не успев даже толком подумать, Сенька рванул к подоконнику и попытался схватить футляр. Когти лап бестолково царапнули бархатную поверхность, но находку не захватили.

«Прикольно, конечно, быть собакой, но сейчас мне нужны нормальные руки», – рассердился про себя Сенька.

Стоило только об этом подумать, как позади раздался громкий «ах» вперемешку с матом. Сенька обернулся и встретился глазами с порядком испуганным, но при этом здорово разозленным Фитилем.

– Ты?! – выдохнул тот. – Как ты?.. Да я тебя!..

Не дожидаясь окончания фраз, явно не обещающих ничего хорошего, Сенька схватил футляр, выскочил в коридор, легко оттолкнул всё еще не пришедшего в себя от изумления помощника Фитиля и бросился вон из квартиры. Серебристый кастет больно впивался в кожу.

В том, что за ним побегут, Сенька не сомневался. В том, что догонят, – тоже. Но он продолжал бежать со всех ног.

Впереди, в прорехах густой зелени тополей, показались стеклянные витрины универсама «Волжанка», и Сенька струхнул не на шутку. Да, он почти добежал до дома – а дальше что? За хлипкой дверью их с матерью квартиры от Фитиля не спрячешься!

Не надо было отвлекаться! Споткнувшись, Сенька полетел на землю и больно ударился головой о какую-то голубоватую металлическую махину, вспугнув прислонившегося к ней дремавшего алкаша.

– Гад! Тварь! – посыпались на Сеньку ругательства нагнавшего его Фитиля. Вслед за ругательствами посыпались удары и пинки.

Сенька скорчился на земле, пытаясь таким образом уменьшить объем тела, которому достаются побои, и крепко прижимал к животу бархатный футляр. Мысли о сопротивлении, возникшие было на миг от больно вонзившегося в руку кастета, почти немедленно исчезли.

Увлечшийся Фитиль остановился, только полностью выдохнувшись. Сенька, не шевелясь, лежал на земле.

– Ну, урод, говори, как ты это сделал? – приподнял его с земли кредитор, схватив за отворот футболки.

– Что сделал? – просипел Сенька, повиснув кулем.

– Сам знаешь что. Как ты в собаку превратился?

«А я реально в собаку превратился?» – удивился Сенька, сплевывая идущую носом кровь.

Он зажмурился, вспоминая то восхитительное ощущение свободы и смелости, когда он был волком, – и вдруг услышал, как Фитиль резко выдохнул.

Сенька открыл глаза – и понял, что мир снова стал черно-белым, а запахи очень резкими. Он вскочил на крепкие лапы и с упоением зарычал, глядя на Фитиля.

– Всё, всё, тихо... Я уже ухожу... – зашептал вмиг побледневший Фитиль, испуганно пятясь прочь от Сеньки, и пятился, пока не скрылся за углом.

* * *

Балваныч встряхнул головой, не веря своим глазам – вместо избитого паренька на его месте появился то ли волк, то ли большущий пес! А потом тот снова превратился в избитого парнишку – и рухнул на асфальт.

Балваныч подхватил парня под мышки и волоком утащил его в сторонку. Опустился рядом, зашарил по карманам.

– Сейчас, сейчас, – торопливо приговаривал он, – сейчас найду это зеркальце и милицию вызову.

– Не надо милицию, – с трудом вымолвил избитый парнишка.

– Да, верно, лучше скорую, – взволнованно согласился Балваныч, продолжая искать по карманам смзс-ку.

Ее подарили ему на заводе, когда он выходил на пенсию, и Балваныч, хоть никогда ей и не пользовался, таскал смзс-ку с собой. Только вот сейчас Балваныч никак не мог вспомнить, а не продал ли он часом чудо-зеркальце, когда трубы особенно горели, чтобы прикупить себе бутылочку ферментов.

Вместо смзс-ки рука нашарила монеты.

Точно! Зачем скорая, если у него есть газировка!

Балваныч подошел к автомату, бросил в прорезь копейку. Автомат заурчал, послышался звук льющейся газировки. Через несколько мгновений Балваныч уже подносил к губам парнишки стакан с прозрачной шипучей жидкостью.

– Ты пей, пей, – приговаривал он, поддерживая пареньку голову. – Как звать-то тебя?

Парнишка с трудом осушил стакан до дна и бессильно откинулся на землю, пробормотав:

– Сенька я.

Но уже через пару минут он осторожно, с опаской поднялся на ноги, удивленно ощупал себя и затем уставился на Балваныча круглыми глазами.

– Эй, ПалВаныч! – закричал тут кто-то издалека.

Это был дядя Коля; в одной руке он нес пакет с рыбой, распространяющий крепкий копченый аромат, в другой – мятую оранжевую каску.

– Чего тебе? – откликнулся Балваныч.

Дядя Коля подошел, поставил пакет на горячий асфальт, подозрительно посмотрел на взъерошенного Сеньку и повернулся к Балванычу.

– Ты зачем у меня давеча про ноги выпытывал?

– Проверить кое-что хотел.

– Чего?

– Теорию одну, – важно надул щеки Балваныч.

– Ты не темни, ПалВаныч, говори как есть.

– Значит, такое дело, Колян. Видишь газировку? Вот от нее все болячки и проходят. От той, что без сиропа. А от газировки с сиропом тут же хужеет.

– Да ну тебя, – сердито отмахнулся дядя Коля.

– Не хочешь – не верь. Только вот парень этот, – и Балваныч, не глядя, махнул рукой на Сеньку, – совсем недавно избитый был, да так, что рукой не шевельнуть. Зато после газировки – как новенький. А если с сиропом хлебнуть, то тебя так скрутит, что свет будет не мил. Наверное, там какие-то особенные ферменты...

Дядя Коля собрался было открыть рот и во всеуслышание заявить, что таких чудес на свете не бывает, да так и застыл с раскрытым ртом, глядя на что-то позади Балваныча.

Балваныч обернулся и увидел, что Сенька вертел что-то блестящее в руке и через каждые несколько секунд то пропадал, и на его месте возникал волк, то снова появлялся.

– Во дела, – пробормотал дядя Коля. – Тогда и мне удивляться нечего! Ну-ка, Балваныч, посмотри!

С этими словами дядя Коля водрузил поверх своей дачной панамки оранжевую каску – и исчез. Потом появился – уже с каской в руках.

– Ничего не понимаю, – заявил дядя Коля, вертя в руках каску.

– А я, кажется, понимаю, – задумчиво протянул Балваныч, вспоминая, как газировка без сиропа лечила и его, и ноги дяди Коли и даже избитого Сеньку. – Похоже, это волшебные вещи.

– Да нет, – недоверчиво откликнулся дядя Коля. – На чудо-продукции обязательно должна стоять особая печать ГОСТа, марка изготовителя и штамп Министерства по чуделам. А на этих – ничего!

– Ты что же хочешь сказать – что наши вещи не волшебные? – спросил Балваныч.

Дядя Коля промолчал. Спорить с тем, что вещи волшебные, было трудно – слишком уж давили очевидные факты.

– Тогда откуда они тут взялись? – продолжил через минуту он. – И почему на них ни штампов, ни печатей? Неужто кто-то подпольно делает чудо-вещи? Ну, как паленую водку самогонщики. А тут получается – чудогонщики.

– Нет, – вмешался в их разговор незнакомый голос. – Никаких чудогонщиков не существует.

Балваныч обернулся и увидел, что к ним направляется молодой мужчина в легких летних брючках и рубашке с короткими рукавами. В руках у него пищал непонятный прибор, а на ногах... Балваныч разинул рот – на ногах у того почему-то были валенки!

– А ты кто такой будешь? – осведомился дядя Коля, хмуро разглядывая незнакомца.

– Скребцов Игорь Дмитриевич, я из отдела чудо-реагирования, – новоприбывший оглядел вытянутые лица, бросил короткий взгляд на тихо попискивающий у него в руках прибор и продолжил: – В соответствии с пунктом шестым, подпунктом «Г» постановления Министерства по чуделам, гражданские лица, в непосредственном владении которых оказались волшебные предметы, обязаны оказывать полное содействие сотруднику отдела в изъятии этих предметов.

– Чего? – отозвался Балваныч.

– На Поволжской чудобыче произошла утечка сырой энергии, – пояснил Игорь, поняв, что формализмом тут не отделаешься. – И вся эта энергия ударила по Приволжску.

– И чем это нам грозит? – обеспокоился дядя Коля.

– Эта энергия прожигает дыры в чудо-реальность, и оттуда в наш мир забрасываются так называемые якоря, за которые кусочек нашего мира утягивает туда. Волшебные вещи, которые оказались у вас в руках – каска-невидимка, кастет-оборотень, живая и мертвая вода, – они совсем не такой природы, как вещи, которые мы изготавливаем здесь по нашим чудо-технологиям. Это как раз те самые якоря. И Приволжск уже наполовину засосало.

– Да ладно сказки рассказывать, – отмахнулся дядя Коля.

– Это не сказки, – покачал головой Игорь. – В Китеж-граде, например, именно это и произошло.

– Так это когда было! – вмешался тут Сенька. – Давно!

Игорь мог бы рассказать, что схожий инцидент случился всего пару лет назад в закрытом северном поселке Красногвардейский-433, просто его исчезновение удалось скрыть. Скрыть исчезновение целого города не выйдет.

На асфальт упала тень. Игорь поднял голову и увидел – в небе над ними пролетело что-то, здорово похожее на палас.

– Вот вам и доказательство! – воскликнул Игорь. – Уже и ковер-самолет появился! Явный признак того, что город самое малое наполовину утянуло в чудо-реальность.

– И что же делать? – всполошился Балваныч.

– Нужно срочно уничтожить волшебные вещи, – просто ответил Игорь.

Сенька крепче сжал в руке кастет, дядя Коля с Балванычем переглянулись.

– Ишь ты, уничтожить! – выразил всеобщее мнение дядя Коля. Ему понравилось невидимым уходить из-под носа рыбнадзора.

– Если вы этого не сделаете, то, судя по показаниям моего чудатчика, – кивнул Игорь на прибор у себя в руке, – Приволжск окончательно пропадет из нашего мира через час.

– И окажется в том самом чудо-мире, откуда берется чудо-энергия, так? – уточнил дядя Коля.

– Именно, – подтвердил Игорь.

– А что там, в том мире?

– Этого никто не знает, – признался Игорь.

– А что, если там как в сказке? – задумался дядя Коля. – Вон, и ковры-самолеты уже появились, и шапки-невидимки... Я б в сказке пожил!

– Неудобно как-то за весь город решать, – протянул Балваныч. Помолчал и продолжил: – Ну да, может, там будет как в сказке. А может, и нет. Опять же, у нас тут тоже неплохо. Так что я думаю, лучше уж синица в руках, чем какой-нибудь Змей Горыныч в небе.

С этими словами Балваныч с размаху бросил стакан от автомата с газировкой на землю. Но тот и не подумал разбиваться!

Глядя на это дело, дядя Коля тоже попробовал разбить каску-невидимку об асфальт, да не вышло.

А вот Сенька и не пытался уничтожить кастет-оборотень. С ним он чувствовал себя защищенным от Фитили и его дружков; избавляться от кастета ему страх как не хотелось.

– И как нам их уничтожить? – запаниковал Балваныч. – Город же пропадет!

Игорь выглядел не на шутку встревоженным.

– Сейчас шефа вызову, попрошу эвакуацию, – сообщил он, торопливо раскрывая смзску. – Пусть за нами вертолет пришлет или еще что-нибудь...

Зеркальце не оживало.

Тут с неба стремительно спустился палас-самолет и завис невысоко над землей. С него соскочил чернявый, кучерявый цыганенок и возмущенно воскликнул:

– Безобразие! Совсем шабашить не дает!

– Кто? – неожиданно заинтересовался Сенька.

– Да Змей Горыныч, – с досадой ответил цыганенок. – Всех пассажиров мне распугал. Вон, гляньте! – ткнул он пальцем вверх.

Сенька, дядя Коля, Балваныч и даже Игорь дружно задрали головы к небу. Над Приволжском и впрямь описывал сложные фигуры трехголовый крылатый летучий змей.

Цыганенок тем временем окинул оценивающим взглядом собравшихся и с надеждой спросил:

– Вас куда подкинуть не надо?

Дядя Коля поймал вопросительный взгляд Балваныча и кивнул – он думал о том же.

– Может, ты нам лучше продашь свой ковер? – предложил он.

– Пятьсот рублей, – немедленно отозвался цыганенок.

Дядя Коля пренебрежительно фыркнул.

– Пятьсот? И это со Змей Горынычем в небе? Да тебе его за пятерку – и то не продать! – добавил он, доставая из кармана мятую купюру.

– Идет! – вдруг неожиданно согласился цыганенок. Нетерпеливо выхватил у дяди Коли пятерку – и растаял в воздухе.

– Ладно, чего стоим, давайте, подсобите! – скомандовал дядя Коля.

– Вы что задумали? – нахмурился Игорь.

– Заберем все эти волшебные штуковины и увезем как можно дальше от города, – пояснил Балваныч, кряхтя и пытаясь половчее ухватиться за угол автомата с газировкой. – Пусть лучше нас там засосет, с этими якорями, чем здесь весь Приволжск целиком утащит. Колян, ты за тот край бери, а ты, Сенька, ну-ка, подсоби! Примни палас к земле и подсунь его под автомат!

– Погодите... – начал было Игорь, но Сенька уже бросился на помощь, и вскоре автомат с газировкой оказался на паласе-самолете.

Взяв каску под мышку, на волшебное летающее средство взобрался дядя Коля. Вслед за ним туда уселся Балваныч. Шагнувшего было следом Сеньку резко остановил.

– Давай сюда кастет. А сам тут оставайся, тебе еще жить да жить.

Сенька посмотрел сначала на Балваныча, потом на дядю Колю – и нерешительно отдал им кастет.

– А как же вы? Вы же пропадете! – жалобно протянул он.

– Ничего, – подмигнул ему дядя Коля, – под Берлином не пропали, и тут не пропадем, да, ПалВаныч?

Балваныч согласно кивнул. Он хоть в Берлине не был, но зато был на острове Даманском во время пограничного конфликта с китайцами.

– Не пропадем, – подтвердил он.

– Да погодите же! – выкрикнул Игорь. – Не надо, я сейчас что-нибудь придумаю!

В небе полыхнуло огнем – это закладывающий очередной вираж Змей Горыныч чихнул.

– Некогда тут думать, – отмахнулся Балваныч. – Тут действовать надо!

– Ты лучше это, – вмешался дядя Коля, – сделай так, чтобы твое министерство по чудесам моей Шурке чудо сотворило – квартиру новую. Сможешь?

– Смогу, – с трудом ответил Игорь.

– Ну, поехали! – воскликнул Балваныч и дернул палас за край. Тот взбрыкнул – и поднялся в небо.

Сенька и Игорь долго провожали взглядом уменьшающийся ковер. А когда тот исчез в облаках, Сенька отправился домой, пытаясь на ходу отряхнуть от пыли бархатный футляр с медалями. Когда мать придет с работы, он обязательно расспросит ее, за что дед их получил.

Игорь же еще долго стоял на месте, глядя на замолчавший чудатчик в руках. Приволжск был спасен, только вот на душе почему-то было тошно.

* * *

За успешно проведенную операцию в Приволжске министерство выписало Игорю премию, и вот уже третью неделю он пил, пытаясь заглушить чувство вины – за незаслуженную награду и за то, что позволил двум старикам пожертвовать собой. Это он должен был забрать волшебные вещи! Это он должен был вывезти их из города!

В кармане задрожала смзс-ка. Игорь нехотя раскрыл зеркальце и уставился на изображение незнакомого молодого мужчины.

– Ты глянь, какие дела! – воскликнул тот. – Мы тут молодильные яблоки нашли. Ели-ели – и хоть бы хны! А как только я из них бражки нагнал и выпил – сразу подействовало! Ферменты, однако!

– Ты кто? – не понял Игорь.

– Не узнаешь, что ли? – удивился мужчина. – Балваныч я!

– ПалВаныч? – охнул Игорь.

На душе вдруг разом полегчало – словно разжались невидимые тиски.

- А приятель ваш там как? – спросил он.
- Колян-то? Он сейчас Змея Горыныча объезжает.
- На него, значит, молодильные яблоки тоже подействовали? – заулыбался Игорь.
- Нет, – покачал головой Балваныч. – Не яблоки. На него моя яблочная бражка подействовала. Говорю же – ферменты!

Юлия Рыженкова Дух Енисея

Автобус закрыл двери и укатил, а Николай не мог сдвинуться с места, настолько его, потомственного городского жителя, поразила здешняя природа. В четырех тысячах километров от Москвы находился другой мир, дикий, неисследованный, во власти не людей, а стихий, и Николай чувствовал это. Он вдыхал воздух и не мог насытиться им, ощущая, как вливается огромная сила.

Горы стояли в снегу, а тут, в ущелье, распустились подснежники, припекало солнце, так что захотелось снять шапку и расстегнуть пальто. Николай прикрыл глаза ладонью, поставив ее «козырьком», и с интересом посмотрел на пятиглавую гору. Кажется, это Борус, которая почищается хакасами как национальная святыня. Но всем советским людям эта местность известна благодаря «тому самому» Шушенскому, ну и теперь, конечно, самой большой гидроэлектростанции в мире! Сколько завистливых взглядов ловил на себе Николай, когда его распределили на Саяно-Шушенскую ГЭС!

Налюбовавшись природой, он подхватил чемодан и отправился в отдел кадров, насвистывая веселый мотив. Это, конечно, не Москва, но место хорошее, жить можно.

– Николай Геннадьевич Третьяков? – Молодая девушка пыталась вести себя по-деловому, однако засмушалась, увидев столичного красавчика, и уткнула взгляд в бумаги. Он походил на римлянина не только носом с горбинкой, но осанкой и какой-то эlegantностью и аристократической изысканностью, не свойственной советскому инженеру.

Энергетик подмигнул, отчего девичьи щеки вспыхнули.

– Он самый.

– Давайте ваши документы, я всё оформлю.

Пока она, путая от волнения слова, объясняла, где найти общежитие, как встать на учет в партком и профком, Николай, не стеснясь, разглядывал ее. Курносая, с веснушками, симпатичная... надо будет после работы позвать в кино... хотя тут же нет кинотеатра. Вот незадача!

В комнату, прихрамывая, вошел старик в кирзовых сапогах и какой-то замызганной куртке, купленной, видимо, еще до войны. Запахло табаком и машинным маслом.

– Добрый день, Наденька.

Курносая заулыбалась и почувствовала себя уверенней.

– Добрый день, Михаил Иванович! Вот, как раз новенького в вашу бригаду оформляю!

Старик сдвинул на затылок шапку, оценивающе осмотрел Николая с головы до ног и спросил:

– Специализация?

– Машинист гидроагрегата.

– Тьфу! Ясно, что не филолог! Я не про ту.

– Боевой, – но, увидев всё еще недовольный взгляд, уточнил: – Стихийная магия.

Михаил Иванович кивнул:

– Стихийщик – это хорошо, стихий у нас тут до утра. Завтра к восьми приходи на смену и не вздумай пока шалить. Стихийщики в этих местах дуреют от силы, лучше пока обожди без магии. А то мы уже дважды деревянный клуб восстанавливали.

– Я с огнем не очень, больше по воде...

– Вот только наводнения нам тут не хватало! – рявкнул старший смены и ласково сказал Наденьке:

– Определи его в комнату к моему Сане Чеснокову. Да, и отцу-то передай, что починил я вашу швейную машинку, пусть забирает.

– Ой, дядя Миша, спасибо! – Надя не сдержалась и бросилась ему на шею.

– Ну-ну, будет.

К тому времени, как Николай добрался до общаги, ему уже так осточертел чемодан, что первым делом он зашвырнул его в комнату и лишь потом вошел сам. Навстречу поднялся худой блондин и, смущаясь, протянул руку:

– Привет. Я Саша.

– Коля. Кажется, мы с тобой не только соседи, но и напарники.

– А, так это ты новенький к Деду?

– Михал Ивановичу? Я.

– Боевой, да?

Николай кивнул:

– Стихийщик.

– Дед – маг слова, а я лекарь. Надеюсь, сработаемся.

Третьяков аж поперхнулся. Лекарь на гидроэлектростанции? Да еще и в оперативниках? На кой черт он там?

– Эээ... что, в больницах нет мест?

Блондин опустил взгляд и начал теревить пуговицу.

– Я энергетик, а не медик. Минский политех.

– Бульбаш, значит, – хмыкнул москвич.

Саша не ответил, пуговица заняла всё его внимание.

Николаю вдруг захотелось подшутить над неуверенным соседом, растормошить его. Бегло оглядев комнату, он заметил воду, точнее, чай. Мысленно потянулся к нему, скатал шарик – это простое упражнение далось необычайно легко, и... неожиданно для себя запустил им в лоб белорусу. Коричневая жидкость растеклась по лицу, оставила на голубой рубашке темные полосы и стекла под ремень. Шутка получилась злой, но Николай решил, что так даже интересней.

– Ой, извини, – протянул он, широко улыбаясь, – я нечаянно.

Было очевидно, что тот врет, врет нагло и в лицо, но Саша лишь вытерся ладонью и вздохнул:

– Ничего, у стихийщиков такое тут бывает с непривычки.

Помолчал, а потом добавил:

– Рубашку только жалко. Совсем новая.

Третьякову очень захотелось сплунуть. Лекарь – слизняк. За такое дают в морду сразу, без разговоров. И с этим тюфяком – недомагом ему придется работать! Но то, с какой легкостью далась эта шалость, радовало и пугало. Он забыл предостережение Деда и выбежал на улицу: не терпелось проверить свою силу.

Первым делом хотел рвануть к Енисею, но рефлексy, вбитые за годы инструктажей, остановили порыв. В великой реке обитают великие силы, и не стоит их просто так будить. Поэтому он, проваливаясь по щиколотку в снег, петляя между елок, продрогнув, все-таки нашел ручеек, мелкий, затянутый корочкой льда, но шустрый.

Мысленно потянулся к нему, и сила воды тут же завибрировала во всем теле. Ручей вспучился, выгнулся, будто шипящая кошка, и стал расти. Вот он уже полноводный, больше похожий на мелкую речушку, рвет ледяную корку, подминает под себя снег и тоненькие березки, бурлит, словно течет не в лесу, на равнине, а по крутым горам. Брызги оседают мелкими каплями на деревьях, вода волнуется и несется табуном мустангов.

Николай во все глаза глядел на творение рук своих, и восторг переполнял его: нужно лишь небольшое усилие – вот и всё. Границы собственных возможностей вдруг оказались где-то далеко за горизонтом, и маг решил шагнуть дальше. Созданная им река потекла... вверх, всё выше и выше, обрушившись затем безумным водопадом. Водяные щупальца поползли в разные стороны, обхватывая верхушки деревьев и пригибая их чуть не к земле. Третьяков

засмеялся и... остановил воду. Та будто уперлась в невидимую плотину, а потом маг создал верхний бьеф и нижний, устроив водосброс.

– Щенок! Ты чего творишь?! – заорал кто-то за спиной.

Николай вздрогнул, обернулся и увидел рыбака лет пятидесяти, со спиннингом, в высоких меховых сапогах и неизменном ватнике.

– Дядя, шел бы ты отсюда рыбачить, не мешай, – отмахнулся от него Третьяков и тут же получил затрепину.

– Я тебе не дядя! – взъярился рыбак, шепнул слово, и река обрушилась на землю, второе слово – и та начала стремительно «худеть», превращаясь снова в ручей. На всё потребовалось секунд тридцать, так что Третьяков успел лишь пару раз раскрыть и закрыть рот от удивления, после чего его, как нашкодившего мальчишку, схватили за шиворот и потащили в поселок. Он попробовал сопротивляться, но быстро понял, что лучше подчиниться.

Рыбак оказался не просто магом слова и старшим смены, но еще и председателем партячейки. Он вызвал Розанова, и Михаил Иванович хмуро глядел на незадачливого стихийщика. Тот чувствовал себя глупым школьником: восторг и азарт сменились стыдом.

– Я... я не знаю, что на меня нашло, – опустил он голову. – Я был будто не в себе, честно. Вел себя как полный идиот, я ведь знаю, что это опасно.

– Это не просто опасно, молодой человек. Сейчас – это смертельно опасно! – Слова Розанова падали на Николая будто капли расплавленного металла. – Ты ведь в курсе, что мы всё еще строим ГЭС, и любая неаккуратная мелочь с нашей стороны может встревожить духов. Их тут, поверь мне, много. Ты хоть представляешь, что здесь творилось, когда мы перекрывали Енисей?!

– Я ж не трогал Енисей, только мелкий ручеек... – промямлил Третьяков, но тут же понял, какую глупость сморозил.

– Если бы ты пошел играть к Енисею, я бы лично вышвырнул тебя со станции с «волчьим» билетом! – рявкнул рыбак.

А Дед добавил:

– Куда, по-твоему, впадает этот «мелкий ручеек»?

Николай покраснел, как та девица в отделе кадров. Он, и правда, не понимал, что с ним, обычно рассудительным, случилось. Шел ведь покидаться водяными шариками в деревья...

– Значит так, – хлопнул Дед в ладоши, – без моей визы магию тебе применять запрещаю. Впрочем, ближайшие дни у тебя ее почти и не будет: тебе казалось, что всё легко, а ресурсы безграничны, но на самом деле очень даже ограничены. Через час-два почувствуешь себя высосанным досуха. Судя по тому, что ты творил, шатать тебя будет еще долго.

Стихийщик кивнул и, еле переставляя ноги, но не от усталости, а от отчаяния, направился к выходу.

– И мы обязательно вынесем этот вопрос на партсобрание! – прокричал председатель, задетый тем, что какой-то юнец его послал.

Утром всё еще кружилась голова, тело ломало, будто с похмелья, и не получалось даже огонек зажечь. Смутно помнилась какая-то ерунда, приснившаяся ночью. Будто река превращается в огромную змею и заглатывает его, и вот он тонет в ее чреве, захлебываясь водой, из которой она состоит. В общем, все признаки опьянения магией! Даже сушняк во рту.

Заботливый Саша налил чаю и помог добраться до ГЭС. Советские лекари – самые гуманные лекари!

Станция впечатлила размерами и поразила воображение. Третьяков почувствовал себя мелкой букашкой в стране великанов. Уникальная бетонная арочно-гравитационная плотина, самая высокая в мире, казалось, появилась из будущего. Ребята из института как-то ради интереса подсчитали, что только бетона на постройку плотины ушло столько же, сколько ушло бы

на четырехполосное шоссе от Ленинграда до Владивостока! В голове не укладывалось, что всё это создали обычные советские люди: инженеры, энергетики, строители.

Машинный зал больше напоминал приемную великана. Огромное пространство, пролеты, необычная конструкция крыши из переплетенных труб и шесть гидроагрегатов – «сердца» ГЭС.

– Любуешься нашим МАРХИ? – улыбнулся белорус.

Третьяков вопросительно посмотрел.

– Мы так называем крышу, нам ее в Московском архитектурном делали, оттуда и пошло. Ни на одной станции такой нет! – гордо ответил Саша, будто это лично он разработал перекрестно-стержневые конструкции из металла.

Со вздохом столичный энергетик вернулся «на землю»: еще не успел даже одного дня проработать, а уже кандидат на вылет и его поведение разберут на партсобрании. Ох, не так он представлял себе начало карьеры!

– Знакомьтесь. Николай Геннадьевич Третьяков, боевой стихийщик, выпускник МЭИ, – представил его Дед четвертому в бригаде. – Кахабери Гурамович Чхетиани, можно просто Каха. Великолепный специалист и предсказатель.

– Добро пожаловать, генацвале, – протянул руку грузин с шикарными черными усами, чуть выжимая волосы и густым баритоном с характерным акцентом.

Николай ойкнул. Предсказатели встречались очень редко, один на тысячу магов, и вдруг увидеть его здесь!

– Ребята, хорошие новости: ко мне через два месяца семья из Тбилиси переезжает! Праздник сделаю! Вино будет, наше, настоящее, вкусное! Гостинцы будут! Шашлык сделаю! Всех жду у себя, – заулыбался тот.

Розанов и Чесноков бросились его поздравлять, Николай тоже присоединился, но обо всем забыл, когда Дед повел его в комнату, откуда велось наблюдение за станцией.

Работа так увлекла, что последующие дни Третьяков забыл не только о магии, но даже о партсобрании, и прогулял бы его, если бы не Дед. Тот не только привел своего нерадивого работника, но и, на удивление, начал его выгораживать. Дело кончилось устным предупреждением, чему москвич был очень рад. С партией шутки плохи! Исключат – и прощай магия, а незаконная магия – это статья уголовного кодекса! До десяти лет, между прочим!

Очень хотелось спать. Дневные смены Николаю давались тяжелее, чем ночные, потому что накануне редко удавалось выспаться. Накануне ходили на танцы в клуб. Точнее, Коля почти насильно вытащил туда напарника. Саше нравилась Машка с проходной, но он уже полгода боялся позвать ее куда-нибудь, даже не решался пригласить танцевать, предпочитая в дни дискотек вообще отсиживаться дома.

Машку он так и не пригласил, а вот Николай весь вечер протанцевал с той самой Наденькой из отдела кадров. Потом они гуляли вдоль Енисея, разглядывая звезды, потом он проводил ее до дома, а потом выяснилось, что через три часа на работу. Утром он еще бодрился, но после горячего борща и макарон по-флотски сопротивляться сну стало ну просто невыносимо, и Коля понял, что надо принимать меры.

– Хочешь полетать? – спросил он Чеснокова во время обхода машинного отделения.

– Эй, тебе ж нельзя применять магию, забыл?

– А без магии? – прищурился Николай, разглядывая огромный кран, сейчас выключенный.

Третьяков полез первым. Крюком подцепил себя за ворот спецовки и махнул напарнику, мол, включай! Кран лязгнул, дернулся и пополз вверх. Куртка держала: советские ткани – самые крепкие ткани в мире! Стихийщик висел на высоте в два метра над балконом, болтая ногами от удовольствия. Поднял большой палец вверх, а затем махнул рукой в сторону. Кран медленно поехал вбок, и вот уже Третьяков раскачивается над гидроагрегатами на высоте

пятиэтажного дома. Адреналин подскочил, как ртуть градусника больного пневмонией, затопил по уши, отгоняя сон, усталость, однообразие.

– Ну, поехали! – проорал стихийщик, и кран понес его на другой конец огромного машинного зала, в котором и так народу почти не бывает, а сейчас, во время обеда, совсем ни души.

– Ну, теперь твоя очередь! – Щеки Николая горели, кровь бурлила, он радовался как ребенок, получивший коньки.

– Я, пожалуй, не буду... – промямлил Чесноков.

– Чеснок, вот поэтому ты никак и не можешь пригласить свою Машку! Ну что за бабье поведение? Ты мужик или нет? Не ссы! Если что случится, я тебя подхвачу воздухом, не упадешь!

Напарник побледнел, вздохнул и подошел к крюку.

– Молодец! – Третьяков помог зацепиться и отправился к пульту управления. – Полетели!

Сашка болтался над третьим гидроагрегатом, когда раздалась тихая, но очень злая брань.

Николай вздрогнул и увидел Деда.

– Медленно опускай его, – прошипел тот.

– Чья идея? – так же тихо спросил Розанов обоих, когда белорус приземлился.

Чувствуя себя описавшимися на ковре щенками, парни переглядывались и молчали.

– Хватит нюни распускать! Чья идея?! – рявкнул Дед, и тут Третьяков вдруг понял, что тот прошел всю войну, от начала до конца. Боевым магом. А еще он понял, что сейчас не поздоровится. Вспомнил и свою шалость с ручьем, и устное предупреждение, и угрозы выгнать с «волчьим» билетом и... кивнул на товарища. Серые глаза Чеснокова округлились от удивления, но он смолчал.

Розанов посмотрел сначала на одного, потом на другого и бросил Николаю:

– Пойдем, выйдем.

Молча вышли через боковую дверь к оборудованной курилке. Дед сунул в зубы папиросу, похлопал себя по карманам, но, не нащупав коробок, попросил:

– Спички дай.

Мокрый от липкого пота Третьяков мотнул головой, мол, нету.

– Что-о?! – Дед аж выронил папиросу. – Стихийный маг на дежурстве не носит с собой огонь?! Да ты вконец уху ел!

– Я... я... плохо с огнем. Тут же вода есть... но у меня земля с собой и воздух тут есть... я не подумал...

Следующее, что он почувствовал, – это кулак, влетающий в челюсть, и вкус собственной крови.

– Может, ты еще и партийный значок забыл?

Третьяков хватанул себя за грудь, слева, нащупал кусочек титана, чем-то похожий на значок ВЛКСМ: изображение Ленина на фоне красного флага. Такие есть у всех магов – членов партии. Выдохнул. На месте!

– Если через десять минут тебя не будет на дежурстве с источником огня – ты уволен по статье за саботаж.

Третьяков рванул по хлюпающей жижей дороге, от ужаса ноги не поспевали за телом, и он пару раз падал, но тут же вставал и бежал дальше. Влетев в проходную, с бешеными глазами бросился к мужикам, хватая их за руки. Спички нашлись, и маг, не успев поблагодарить, метнулся обратно.

Розанова не было. Чесноков делал вид, что не знаком с Николаем. В голове стучало, сила стихий, заточенная в теле, требовала выхода, жгла сосуды, стекала с пальцев. Хотелось зачерпнуть тонн двадцать воды и швырнуть об стену. Раздавить этих людишек, смеющих устанавливать свои правила. Стихийщик стиснул кулаки и зубы, сдерживая порыв. Хоть маленький

шарик воды скатать! «Нельзя! Мне запрещено использовать магию!» – напомнил себе. Контроль над эмоциями – это первое, чему учат магов, но сейчас он давался очень тяжело!

Николай схватился за голову и бросился из машинного зала к пульту управления. Сел за рабочее место, жадно задышал, заглатывая воздух. Полегчало. Подумал: «Надо извиниться перед Сашкой. Это я вел себя как трус, а не он».

– Каха, я не знаю, что с ним делать, – Дед кусал папиросу, но не зажигал: по технике безопасности положено курить только на улице. – Он, конечно, перспективный, но я не могу его оставить! Бесконтрольный маг на стратегическом объекте – это либо глупость, либо вредительство, я просто не имею права такого допустить.

Каха крутил в руках черно-белую фотокарточку жены и двух дочек, шести и восьми лет. Они тогда ходили в зоопарк в Москве, девочкам завязали белые банты, нарядили в розовые платица, и они их, конечно, заляпали мороженым и сахарной ватой. Родители не ругались, они были счастливы побыть вместе, семьей. С тех пор он уже год не видел ни жену, ни девочек. Фотография – слепок былого счастья – всё, что осталось. Жаль, что они приедут лишь через неделю.

Он слушал возмущенного Михаила Ивановича, не перебивая, но мыслями был далеко. Наконец убрал фото за пазуху и сказал:

– Он должен остаться. Не трогай его.

Розанов преобразился в секунду: из причитающего Деда в офицера Красной Армии.

– На станции случится беда?

Каха вздохнул:

– Знаешь же, что ничего не отвечу, но продолжаешь спрашивать.

Михаил Иванович покачал головой и снова пожевал папиросу.

– Не понимаю я вашу этику. Видите будущее, но не имеете права об этом говорить. Что плохого в том, что мы спасем жизни и ГЭС?

– Мы и так вмешиваемся в ход событий. Вот без меня ты бы уволил парня, а сейчас не сделаешь этого. Поверь мне, это очень много.

Дед вскочил со стула и начал наматывать круги по комнате. Он понимал, что это одобренное Советом пророков вмешательство, и Каха не скажет и не сделает ничего сверх. На фронте он имел возможность убедиться в том, что слова пророков всегда кратки и точны, но как же хотелось хоть каких-то подробностей! Что случится? Когда? Где? Почему бы не стянуть сюда окрестных магов для усиления? Ведь на станции их не так много, в основном инженеры-техномаги и всего один лекарь. Если будут жертвы – он не справится.

Дед вспомнил о «Договоре двадцати восьми», подписанном еще до перекрытия: совместное обязательство по сокращению сроков строительства и повышению качества работ. Вспомнил и о том, какой ад творился после: пробужденные бесцеремонным вмешательством в их жизнь и владения, местные духи взъярились.

11 октября 1975 года вся страна следила за поединком строителей и Енисея. Первую каменную глыбу со своего БелАЗа опустил в бушующий поток бригадир водителей Илья Кожура, светлая ему память... И четырнадцать следующих суток маги, собранные со всего Союза, отражали атаки, пытаясь отвоевать у духов Саян право распоряжаться рекой. С тех пор Розанов хромает: древние духи оказались посильнее фашистских магов. Но ему повезло остаться в живых.

– Каха, скажи хоть, скоро?

– Скоро, генацвале, скоро...

Извинения не помогли: Чесноков не разговаривал с Николаем уже третий день. Правда, ожидаемой взбучки от Деда не последовало. Тот даже не сообщил никому о грубейшем нару-

шении техники безопасности, что Третьякова с одной стороны радовало, а с другой – настораживало. Вряд ли начальник спустил это ему с рук, но какое наказание он придумал?

Шел обычный утренний инструктаж, который проводил Каха в рабочей будке машинного зала. Николая мутило, но он не показывал виду. «Траванулся, что ли?» – подумал он. Вдруг в висках зашумело, голова взорвалась болью, и Третьяков не сразу понял, что шумит не только в голове, но и во втором гидроагрегате.

Нарастающий гул оборвался громким хлопком, будто великан стукнул ладонью по столу, и на глазах ошалевших работников станции стодвадцатипятитонная крышка вылетела как пробка. Вода под бешеным напором начала заполнять огромный зал, за секунды затопила технические помещения под ним и подошла к комнате с дежурными смены.

Где-то заорала женщина, но ее крик прервался так же резко, как начался. В эту секунду Третьяков рванул дверь и выскочил в общий зал, где его тут же накрыло волной. В доли секунды он успел соорудить воздушный шлем – этого хватило минут на пять дыхания. Течение крутило, рвало в разные стороны, стремилось убить, затянуть, не дать всплыть, но маг оказался сильнее.

Вынырнув, он увидел страшную картину. Вода с бешеной скоростью несла осколки бетона, металла, разные коробки, ящики, неведомо откуда появившиеся доски и людей, которые погибали от ударов. Вот рядом всплыл кто-то смутно знакомый, глотнул воздуха, колотя руками по поверхности, но не успел очухаться, как вздыбившаяся доска опустилась ему на голову. Теряя сознание, энергетик погрузился в грязную воду, чтобы уже никогда не всплыть вновь.

Мимо пронесся еще один: железный прут вошел в грудь, и не понятно было, жив ли он. Впрочем, даже если жив, это ненадолго. Черная вода, где помимо строительного мусора расплывались пятна масла и мазута, быстро закончит то, что начал прут.

Напрягая все мышцы, на силе воли, Третьяков поплыл наискось к течению, выгребая к переливным трубам с маслоохладителям. Помогая себе магией воздуха, уцепился, чуть не ногтями. Перевел дыхание и, кидая под ноги кирпичики из воздуха, как по лестнице забрался на широкую и скользкую трубу, сел, обхватив ее ногами. Вода доходила ему до ботинок и с каждой секундой всё прибывала.

Наверное, так тонул «Титаник», засасывая оставшихся в живых в свою воронку, а вокруг плавали вещи, доски, мусор и трупы. И рев. Кажется, на станцию заскочил младший брат Ниагарского водопада. Он оглушал, забивал все мысли и чувства, оставляя только одно: панический страх, страх быть перемолотым всепоглощающей стихией, от которой нет спасения. Наверное, из-за этого стихийщик увидел самое главное не сразу, а когда увидел – покрылся ледяной коркой ужаса. Он не мог ни моргать, ни дышать, ни шевелиться. Перед ним, взломав второй гидроагрегат и просто отшвырнув две с половиной тысячи тонн как детский кубик, бесилась трехголовая гидра. Одна голова упиралась в потолок, две другие мотались из стороны в сторону, плюясь водяными потоками. А затем все три уставились на Николая.

Михаил Иванович сразу понял, что не выберется отсюда. Зашел, понимаешь, на минутку за документами! Не был бы магом – болтался бы сейчас под потолком в «воздушном мешке», но он быстро шепнул слово, и дверь стала герметичной, так что теперь лишь шлепал по щиколотку в воде.

Первым делом он соорудил «зеркало», в котором увидел всё, что творилось в машинном зале. Побледнев, стал искать Каху. Не сразу опознал его тело в рабочей будке, наполненной водой, как аквариум. Дед вдарил кулаком по бетонной стене, ободрал костяшки, но не почувствовал даже легкой боли.

«Так вот что ты знал, пророк. И не мог даже жену попросить приехать на неделю пораньше», – с горечью подумал Розанов. Но на слезы не было времени. Пророк мертв, он,

мастер слова, заточен под машинным залом, из магов сейчас на станции лишь двое, и их надо срочно найти.

«Почему не падают затворы? – крутилось в голове. – Автоматика должна была давно сработать и перекрыть воду, но та прибывает с бешеной скоростью. Гидра, кажется, задалась целью разрушить всю ГЭС, уничтожив как можно больше людей».

Розанов настроил «зеркало» на поиск своих подчиненных и на балконе нашел Чеснокова, пытающегося вернуть к жизни искалеченного энергетика без сознания, грязного до такой степени, что невозможно разглядеть лицо. Михаил Иванович вздохнул и соорудил «телефон». Маги часто пользовались этим несложным заклинанием, чтобы переговорить друг с другом.

– Саша, слышишь меня? Это я, Розанов! – Изображение старика появилось перед Чесноковым, и тот вздрогнул.

– Слышу! Вы где? С вами всё в порядке?

– Саша, нет времени. Затворы не упали, их надо опустить вручную. Беги наверх, сбрасывай! Счет идет на минуты!

– Михал Иваныч, я лекарь! Я не могу бросить этого человека умирать! И я могу еще спасти жизни!

– Саша! Спасай станцию! Спасай плотину! Если станцию затопит и плотину прорвет, погибнет весь поселок!

– Михал Иваныч...

– Это приказ!

– Слушаюсь! – Чесноков, подскакивая, всё же задержался на секунду и одним заклинанием, в которое вложил все силы, запечатал раны пострадавшего.

– Чесноков! Прекрати тратить силы! Под трибунал пойдешь! Спасай станцию! – заорал Розанов в спину бегущему к лестнице.

Сейчас вся надежда ГЭС и города лежала на сутулых плечах двадцатилетнего выпускника Минского политеха, и Дед скрипнул зубами. «Он справится, я лично его отбирал, он справится», – убеждал тот себя, хотя прекрасно понимал, что далеко не всё сейчас зависит от белорусского паренька.

Дед прикрыл глаза и зашептал: «Всем магам: SOS, всем магам: SOS. Авария на станции, авария на станции, угроза прорыва плотины. Нужна помощь! Повторяю: всем магам: SOS, всем магам: SOS. Авария на станции, авария на станции, угроза прорыва плотины. Нужна помощь!»

Он знал, что где бы ни были маги-сотрудники ГЭС, сейчас у них заорала сигнализация, опасность высшей категории. Он знал, что в ближайшие минуты восемнадцать человек встанут полуколом перед плотинкой и соорудят магический щит. Всё, что произойдет дальше на станции, – останется на станции. Первым делом – обеспечить безопасность внешнего мира. Председатель партячейки повесит «зеркало», они будут видеть всё, что творится внутри, но до тех пор, пока полностью не исчезнет угроза прорыва плотины – не двинутся с места.

Розанов настроил «зеркало» на поиск четвертого из своей бригады. Третьяков из последних сил сопротивлялся бешеному течению, стремившемуся сбросить его с трубы, и, не моргая, будто кролик на удава, смотрел на Гидру. Дед понял, что у него есть от силы пара секунд для спасения. Мозг заработал с бешеной скоростью: что он может отсюда предпринять? Взгляд наткнулся на кран, чей крюк болтался почти над Третьяковым. Еще до того, как полностью сформировался план, Розанов начал действовать.

Николай вскинул руки, чтобы защититься, но те не слушались. «Надо поставить воздушный щит» – инстинкт самосохранения помогал бороться до последнего, пробиваясь через парализующий ужас, но сил не было. Сражаться в одиночку с духом Енисея? Такое безумие не пришло бы в голову даже самому сумасбродному магу.

Вдруг перед носом качнулся знакомый крюк. Николай вздрогнул и очнулся. Еще не понимая, что происходит, ледяными руками зацепил куртку и поднял большой палец. Крюк резко

дернулся так, что чуть не порвал спецовку, и, набирая скорость, понес его к балкону. Третьяков будто в замедленной съемке видел, как Гидра плюет в него тонны воды из всех пастей, и непроизвольно скрутил вокруг себя воздух плотным коконом, захватив в него и крюк.

Кран, рассчитанный на тысячи тонн тяжелых узлов и агрегатов, выдержал. Кокон треснул, будто яичная скорлупа, но основной удар выдержал. Мокрый с ног до головы, трясясь то ли от холода, то ли от страха, Николай рухнул с двух метров на балкон: ткань спецовки всё же не выдержала. В эту секунду перед ним возникло изображение Михаила Ивановича.

– Коля, задержи Гидру! Саня лезет вверх сбрасывать затворы – дай ему время! Задержи Гидру!

Стихийщику хотелось заорать: «Как я ее задержу? Она смахнет меня, даже не заметив! Это ж всё равно, что задержать на минуточку течение Енисея!», – но он ничего не сказал. Вода подбиралась к балкону, и стало понятно, что живым отсюда никто не выйдет. Так какая разница, в какую минуту погибнуть? Прятаться и утонуть или броситься с вилкой на танк?

Николай сцепил руки в замок, поднял его на уровень глаз и закрутил кокон, а затем еще один, поверх. Вовремя. Стена воды обрушилась на мага, выбивая стекла машинного зала за спиной. Младший брат Ниагары стремительно подрастал. Тем временем Третьяков лихорадочно перебирал варианты: атаковать огнем воду – всё равно что кидать щепки в водоворот, надеясь его остановить. Воздух отлично подходит для защиты, но как им нападать? Земля? Похоже, что бороться с водяной Гидрой можно лишь ее же оружием – водой. Попытаться усмирить бешеного мустанга, запрыгнув ему на спину.

Маг выдержал еще один удар трехголовой, обновил кокон и прикрыл глаза. Воду он почувствовал везде. Она стала его руками и ногами, его легкими и сердцем. Полноте, разве у него вообще есть какие-то легкие? Руки? Он и есть вода! Вода, которая властвовала тут всегда, одаривала милостью или гневалась, и сейчас она во гневе. Эти людишки посмели ее обуздать! Эти наглецы накинули на нее сбрую и изменили русло! Они, видимо, не знают ее мощи! Так она им покажет.

Михаил Иванович с ужасом смотрел на то, как Николай собирал потоки воды и обрушивал их на головы уцелевшим. Но самые мощные удары достались лестнице наверх, которую он обрушил с трех ударов. Если у Чеснокова не получится закрыть затворы, то больше никто этого не сделает. Взбесившиеся волны бились о стены, течение рвало остальные гидроагрегаты, пытаясь выкорчевать их, освободив дорогу водяной силе. Силе, способной разрушить плотину. Кокон у Третьякова давно рассыпался, но в нем не было необходимости – Гидра его не трогала.

Саша лез наверх, перебирая руками и ногами ступеньки. Ему нужно было забраться на высоту семидесятиэтажного дома, и он одолел лишь половину. Единственным источником света в непроглядной тьме лестничного колодца был фонарь: оперативники всегда носили его с собой. Внизу бесновалась стихия. От ударов лестница дрожала, Саша чувствовал, как за шиворот сыплется бетонная крошка, ноги от усталости стали ватными. Пару раз он оскальзывался, повисая на руках, но продолжал лезть на пределе возможностей. Он понимал: надо не просто сбросить затворы, но сделать это так быстро, как только возможно.

Казалось, лестница не кончится никогда, но солнечный свет, ударивший в глаза, возвестил о том, что Саша на гребне плотины. Глаза заслезились, ноги подогнулись, и лекарь рухнул на колени, упершись руками в теплый и колючий бетон. Каждая клеточка организма требовала отдохнуть хотя бы минуту, хотя бы полминуты, но в ушах звенели слова Деда: «Спасай станцию! Спасай плотину! Если станцию затопит и плотину прорвет, погибнет весь поселок!»

Неожиданно тряхнуло, и лестница с грохотом рухнула, а Чеснокова обдало водой. Гидра понимала, что пытается сделать дежурный смены, и бросила все силы, чтобы помешать этому. Усталость куда-то делась, лекарь подскочил и рванул к затворам первого гидроагрегата. Его накрыла еще одна волна, вырвавшаяся снизу, сбила с ног и потащила за собой. Руки скользили по бетону, пытаясь за что-то уцепиться, но ничего не находили.

На сей раз у воды не хватило сил, и она вынуждена была отпустить человека. Ненадолго. Снизу за этой битвой внимательно следили восемнадцать человек.

Николай увидел смутно знакомый образ. Тот пробуждал какие-то странные эмоции и воспоминания, но что-то в нем было не так. Такого не бывает. Он ломал что-то в голове, крича о нереальности происходящего. Сознание пыталось избавиться или от образа, или от происходящего, но Ленин в воинском шлеме не исчезал. Третьяков дернулся, будто от нашатыря, и с ужасом осознал, кто он, чьим орудием только что был и в каких целях его использовали.

«Спасибо, Дед», – шепнул Николай, понимая, кто его сейчас вытащил из этого ужаса, используя последний, грубый, но действенный способ вернуть мага в сознание. На этот нереальный образ якорили всех магов, прежде чем разрешать им применять силу самостоятельно.

Третьяков знал, что пытается сделать Гидра: как она, проникнув в его сознание, узнала о миссии Чеснокова, так и он, побывав ею, узнал, что Гидра пытается того убить. Стихийная магия оказалась бесполезна: невозможно силами стихии победить саму стихию. Но оставался еще один выход. Ленинский значок – проклятие мага, но и его последняя надежда. Это запасной парашют и атомная бомба. Его не используют для спасения жизни, обычно активация означает смерть мага.

Николай сорвал титановую пластинку с груди и направил на Гидру. Запасенная в ней колоссальная сила рванула, высвобождаясь плазменным лучом. Вода с шипением начала испаряться, опаленная трехголовая тварь взвыла, стала извиваться, попыталась дотянуться до обидчика, но не смогла. Чистая мощь, вложенная лучшими советскими магами, делала то, ради чего годами лежала спрятанной.

Третьяков успел соорудить небольшую подушку из воздуха, но раскалившийся значок жег руки и грудь, жар плазмы опалил лицо. Боль пронзала всё тело, но Николай управлял лучом, всё дальше и дальше отгоняя взъяренный дух Енисея. Маг понимал, что сгорит: человеческое тело таких температур не выдержит, но это его не волновало. Саня должен успеть – это всё, что сейчас имело значение.

Волны лизнули ноги Третьякова и отступили. Вода перестала прибывать. Николай улыбнулся, хотя со стороны это выглядело как оскал. И в эту секунду перед ним повис образ Михаила Ивановича

– Коля, сила значка вот-вот закончится, но затворы сброшены, плотина устоит, так что можешь уходить. Есть вариант спасти станцию и хорошенько достать Гидру, если через тебя пропустить чужую магию. Сколько ты еще выдержишь?

– Не знаю... – обожженные губы двигались с трудом. – Давайте.

Плазменный луч погас неожиданно и мгновенно. Только тогда Николай взглянул на собственные руки и застонал. Стон отозвался дикой болью по всему телу: воздушная подушка предохраняла тело, но не могла полностью закрыть его от «последней надежды».

Сашка ввалился через разбитые окна машинного зала и кубарем покатился по полу. Ему до этого не приходилось летать на чужой магии. Но на синяки и ссадины он не обратил внимания. Вскочив на ноги, встал сзади напарника, положив тому ладони на плечи. У Третьякова не было сил удивляться или спрашивать, он просто принял это как должное. А вот Дед, кажется, только этого и ждал.

– Начинаем! – крикнул он не только сотрудникам, но и коллегам у плотины.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.